

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ОПЕРАЦИЯ "СЛЕПОЙ ТУМАН"

16+

НИКТО КРОМЕ НАС - 1

Юлия Маркова
Операция «Слепой Туман»

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Маркова Ю. В.

Операция «Слепой Туман» / Ю. В. Маркова — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1254-4

Первый том альт-исторической саги «Никто кроме нас». Это история о том, как разработка оружия, функционирующего на новых физических принципах, приводит к неожиданным результатам. Нештатное срабатывание секретной установки и учебно-боевой поход оборачивается попаданием в 1904 год без возможности возвращения. Идет самое начало злосчастной для России Русско-Японскую войны, и еще ничего не предрешиено. Какое решение примут наши современники, оказавшиеся вершителями судеб этого мира, и в какую сторону свернет история на этот раз?

ISBN 978-5-5321-1254-4

© Маркова Ю. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1. Стоящие на пороге	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

В оформлении обложки использована фотография
<http://www.nashflot.ru/model/foto/5303> “Большой противолодочный корабль «Адмирал Левченко», 1 июля 2003 года”

Часть 1. Стоящие на пороге

13 августа 2017 года 08-15, Владивосток, 178 судоремонтный завод.

Доктор технических наук Алексей Тимохин, 45 лет.

Вот и приехали! Вчера на 178-й судоремонтный завод загнали «наш эшелон» – двенадцать платформ, груженных контейнерами с модульными блоками и комплектующими к «Туману». Армен Амосович квохтал над ними, как наседка над цыплятами. Впрочем, он квохчет и сейчас. Профессорский голос, с сильным армянским акцентом, слышен примерно за сотню метров. Судя по всему, погрузка оборудования на корабль уже началась. Береговой кран зацепил первый контейнер – и тот повис в воздухе, между бортом и причалом, а наш академик бойко наскакивает на невысокого крепкого военного моряка.

На меня налетела наша мадам Лисовая.

– Вы не представляете, Алексей Иванович, как тут обращаются с нашим оборудованием!

Даже удивительно, как у этой бабы совпадает фамилия и внешность. Или она красится хной? Как-то не возникало даже желания проверить, все ли волосы на ней рыжие. Отодвигаю в сторону этот оживший пожар.

– Армен Амосович, уважаемый, ну не надо так кричать.... Товарищ офицер не глухой, он вас и так прекрасно слышит.

Ну никак я не научусь разбираться в этих морских погонах, две большие звезды при двух просветах – это как? У сухопутных вроде это подполковник... Офицер представился:

– Капитан второго ранга, Ольшанский Петр Сергеевич, командир большого десантного корабля «Николай Вилков».

– Доктор технических наук, Тимохин Алексей Иванович, руководитель темы и начальник всего этого технического бедлама.

Петр Сергеевич окидывает взглядом стильный светло-серый костюм, который был бы уместен и в тридцатые, и в пятидесятые, и в семидесятые годы прошлого века, уместен он и сейчас. Что поделать – я консервативен, тем более что знакомые дамы не раз говорили мне, что такой стиль мне идет и скидывает минимум десять лет с моего возраста. Немного поколебавшись, он пожимает мне руку.

– А это? – Ольшанский взглядом показывает на профессора Баграмяна.

– А это наш генеральный конструктор, секретный до невозможности, человек пожилой, рассеянный и очень уважаемый, но с горячим кавказским характером, между прочим.

– А это что еще за явление Христа народу? – Ольшанский показал на морских пехотинцев, бегущих к нам вдоль пирса колонной по два и возглавляемых мускулистым лейтенантом небольшого роста. – Между прочим, они при полном боевом.

– Так все правильно, – я показал на остановившийся в начале пирса УАЗик. – Вот и их начальство.... Только место разгрузки должны были взять под охрану, ДО ТОГО как сюда подгонят состав с оборудованием...

И в этот момент прямо рядом с нами (ведь умеют же люди!..) будто прямо из причала или из воздуха, возник худощавый офицер дальневосточной национальности и неопределенного возраста. У местных аборигенов, наверное, из-за отсутствия бороды и усов, мужчины почти всю свою жизнь выглядят похожими на мальчиков, пока как-то разом не превращаются в седых старичков.

– Капитан федеральной службы безопасности Ким Максим Оскарович, особый отдел Тихоокеанского флота, – с подозрением оглядел присутствующих этот персонаж. – Ваши документы, товарищи.

Достаю паспорт, служебное удостоверение и командировочное предписание. Особист смотрит документы внимательно, чуть ли не обнюхивает. Потом удовлетворенно кивает.

– Все в порядке, товарищ Тимохин, нас предупредили. – Бегло просматривает документы Ольшанского. – Все в порядке. «Товарищ Тимохин» или лучше «господин»?

– Давайте «товарищ» – так привычнее, товарищ капитан.

– Поскольку, как я понимаю, вы руководите группой от организации-разработчика Изделия, должен вам представить товарищей. Капитан второго ранга Степанов Василий Иванович, ваш куратор на испытаниях от РТВ штаба флота. Полковник Шкловский Лев Борисович, представитель Главного военно-медицинского управления Министерства Обороны. Он и его группа будут исследовать влияние длительного применения вашего Изделия на здоровье людей. Майор морской пехоты Новиков Александр Владимирович, его рота осуществляет охрану и оборону кораблей группы от недружественного проникновения. И ваш покорный слуга также прикомандировывается к вам на время данного учебно-боевого похода. Вот и весь штаб по проведению испытаний.

Тем временем морские пехотинцы с оружием наизготовку, вытянулись редкой цепью вдоль пирса, делая вид, что происходящее их совершенно не касается. Внутри меня закипела злость.

– Товарищ капитан, вы забыли одну очень маленькую, но важную вещь. Наше оборудование следовало взять под усиленную охрану сразу после прибытия на 178-й судоремонтный завод. Нам пришлось договариваться о задержке на сутки караула от внутренних войск. И поскольку информация уже прошла по инстанциям, то полетят головы или затрещат чубы. Потому как вон там, – я показал на подъехавший вслед за военными черный «круэзер», – должен быть наш московский куратор.

Из «круэзера» с грацией разозленного медведя вылез здоровенный мужик, коротко стриженный, при взгляде на которого приходило на ум только одно слово – «носорог». Вслед за ним появилась стильная, рослая, сероглазая девица, примерных габаритов сто восемьдесят при девяносто-шестьдесят-девяносто. Вслед за девицей нарисовались типичные «трое из ларца, одинаковы с лица». Какие бы дорогие костюмы ни носили эти накачанные парни, опытный глаз всегда узнает в них питомцев девятого управления.

Умеет же товарищ Одинцов напустить на себя важный вид; помнится, он в нашем КБ так проверяющего генерала опустил ниже плинтуса.

– Одинцов! – небрежно сунул он в нос особисту свои красные корки и обернулся к телохранителям, – парни, у нас разговор...

Парни поняли и, не теряя достоинства, покинули зону слышимости.

– Товарищи офицеры, мы будем работать серьезно или валять дурака? Для желающих повалить дурака есть дурка, могу обеспечить путевку всерьез и надолго. Со всеми прелестями карательной психиатрии – вроде уколов аминазина или холодных обливаний. Для тех, кто хочет работать всерьез – добро пожаловать в команду.

Он сделал вескую паузу, затем продолжил:

– Первое. Товарищ майор, один взвод в оцепление на пирс, второй на корабль. Установить контроль за периметром – как по суше, так и по морю. При попытке несанкционированного проникновения со стороны моря – огонь на поражение без предупреждения. При попытке проникновения со стороны суши – действовать согласно устава караульной службы. Третий взвод пусть находится в резерве.

Второе. Товарищ Тимохин, всех ваших людей, которые не нужны на разгрузке, направить на борт, пусть размещаются в кубриках и не мельтешат на палубе. Капитан второго ранга Ольшанский выделит ответственных из своей команды.

Третье. Капитан второго ранга Степанов и товарищ Тимохин создают из своих специалистов сводную бригаду для погрузки и монтажа оборудования. Не исключено, что следующие испытания служба РТВ Тихоокеанского Флота будет проводить самостоятельно. Оборудование разгружаем согласно схеме, дизель-генераторы – первый трюм, непосредственно «Туман» – во

второй, все прочее, включая контейнеры товарища Шкловского – в третий. Товарищу Шкловскому принять на борт свое оборудование, разместить людей в кубриках, и в течении суток развернуть свою службу и произвести первичное обследование людей.

– А вас, уважаемый Армен Амосович, я попрошу не волноваться, поезжайте в гостиницу, Алексей Иванович и без вас прекрасно справится.

– Семен, – подозвал он одного из своих телохранителей, – отвезешь Армена Амосовича в гостиницу, если по дороге надо куда заехать, не стесняйся, время у тебя до вечера. Будешь нужен раньше – вызову.

– Погодытэ, Павэл Павлович... – старик подошел ко мне. – Удачи тэбэ, сынок... – и заплакал.

А ведь у него, в девяностом, всю семью в Сумгаите убили – жену и трех сыновей.... Я пришел в его отдел после Бауманки в том же девяностом. Действительно, он был мне как второй отец; получается, он просто усыновил меня....

– Я не подведу, Армен Амосович, вы не зря меня учили. Поезжайте в гостиницу, отдыхайте. Вернемся мы к вам со щитом, только с победой.

Уехал....

* * *

13 августа 2017 года, Утро, Владивосток, 178 судоремонтный завод. Майор морской пехоты Александр Владимирович Новиков.

Сидим, значит, с ребятами вчера вечером у меня на квартире, кушаем водочку по поводу успешного возвращения из командировки в одну южную солнечную страну. На столе сельце, балычок, икорка черная, икорка красная... в холодильнике ящик беленькой. Расслабляемся. Удачно съездили. Только, значит, разлили по первой, закусили (слава Богу, поминать никого не пришлось, и даже трехсотых не было) – тут звонок на сотовый... штаб бригады. И на тебе – новость!

– Майор Новиков? Говорит дежурный по штабу майор Хамбурдыкин. Согласно приказу командира бригады, завтра утром убываете в командировку в должности командира третьей роты сто шестьдесят пятого полка.

У меня даже все слова в глотке застряли, а этот кадр продолжает:

– Ваши документы уже готовы, вы должны забрать их до двадцати двух ноль ноль.

Вот меня ошарашило, я уж настроился оттянуться по полной, а тут такое творится. Секунд двадцать вообще ни слова сказать не мог.

– Ээ... майор, товарищ дежурный, а какие распоряжения для моей группы?

Голос у штабного был как у петуха, вещающего с забора о наступлении утра:

– В связи с особой важностью задания ваша группа спецназначения временно прикомандировывается к роте как спецкоманда усиления. Товарищ комбриг сказал, что не исключены провокации наших заклятых партнеров.

«Нифига себе поездочка, – подумал я про себя, – из одной командировки прибыли, и тут же – на тебе, явно кто-то в штабе снова хочет моей героической, но безвременной гибели...»

Однако вслух я лишь спросил:

– Товарищ майор, можете объяснить мне, что за задача нам предстоит?

– Задачу объясним устно, при встрече, имеет место участие в учебно-боевом походе Тихоокеанского флота. Длительность похода около тридцати суток. После Сирии это будет вам вместо курорта...

Прикрываю трубку рукой и излагаю мужикам все своими словами. В ответ – возбужденный гул.... А что вы хотите – из одной командировки да в другую. Парни тоже не педальные кони. Пришлось немного разрядить обстановку.

– Так, мужики, мы в армии или где; наверное, командование опасается, что любимые племяннички дяди Сэма будут грубить нашим морячкам. Кто как не мы, сможет на пальцах разъяснить им международное право в нейтральных водах? Так, Стас, ты достаточно трезв, чтоб сгонять со мной до штаба и обратно? Только без твоих каскадерских штучек.

До штаба сгоняли без приключений; Стас в нашей группе штатный водила, а город знает, как свои пять пальцев. Выбрал такие закоулки, что нашей древней «Каролле» не встретился ни один жадный дядька с полосатой палкой. От дежурного по штабу узнал, что, во-первых – их прежний ротный в госпитале – перешел дорогу в неудачном месте или съел чего нехорошего, Бог знает. Или чутье у него, по поводу таких ситуаций, в которые неподготовленному человеку лучше не попадать. Тут сам себе ногу сломаешь, лишь бы оказаться подальше. А мы чо? А мы ничо. Мы привычные. Во-вторых – выяснилось, что нашей задачей будет сопровождение во время похода секретного экспериментального объекта. Все. Вернувшись, продолжили догуливать; эх, где наша не пропадала.

Уже под утро мужики убыли в расположение, получив мой наказ – собрать вещички, полный набор всякой утвари для убийства при двойном боекомплекте. А я, почистив зубы и приняв душ, стал собираться на выход.

Роту я перехватил недалеко от заводского КПП, пришлось даже немного подождать. Пока ждал, подъехала «Газель» с ребятами. Сказал им, чтоб дождались ротной колонны и до объекта следовали за ней. Только покурили – смотрю, из-за поворота едут. Ну, я, значит, торможу головного и показываю сидящему рядом с водителем лейтенанту свое предписание.... Ать-два.

– Лейтенант Жуков, – говорит, – командир первого взвода. Нас предупредили....

– Ну вот и славно, товарищ Жюков, что вас еще не расстреляли, – говорю я, вспомнив старый анекдот. – Подвинься-ка, и поедем с ветерком.

А у КПП завода нас уже ждут... Комитет по встрече, так сказать. Пренеприятнейший тип из особого отдела, капитан ГБ, да еще, блин, корейская морда. Как мы из машины вылезли, так он мое амбре и унюхал... Но только зашипел: «Я с тобой после разберусь!» – и кулаком погрозил (мол, не до тебя сейчас), и сам моими морпехами командовать начал. Потом манит меня за собой вдоль причала пройтись. А кроме него, там целый комитет – представитель от РТВ, от медслужбы; ну и я четвертый, значит.

А на причале куча народу и страшный бедлам; какой-то кавказец-аксакал на рабочих кричит, баба рыжая суетится, и присутствует еще один тип – в шляпе, весь из себя фешенебельный – рядом с ним капитан второго ранга. Ну, с этим все понятно – командир ошвартованного тут же БДК, пересекались мы с ним как-то раз. Ольшанский (кажется, Петр) – нормальный мужик, не из этих.

И тут на этот самый БДК как раз и перегружают контейнеры с железнодорожных платформ. А эти контейнеры, верно, и есть тот самый секретный объект, который мы с товарищем Кимом должны пасти. А старенький ара и неприятный тип в сером костюме – и есть секретные конструктора, измыслившие очередную техническую гадость на погибель нашему вполне вероятному противнику. Только вот у наших вождей все равно не хватает духу пустить эту штуку в дело. Да мне ж самому довелось после войны трех восьмерок полюбоваться на эту тварь Конди через оптический прицел. Стоило чуть шевельнуть пальцем – и то дерьмо, которым набита ее голова, мелкими брызгами разлетелось бы по окрестностям. И что вы думаете – отмена операции.

Пока я находился в грезах о прошлом, произошло еще одно «явление Христа народу». На причал вкатился черный «лендкрузер». Раз вкатился – значит, на КПП предъявил какую то страшную бумагу, значит – наблюдаем. За таким вообще положено наблюдать лежа, из кустов, но где мы вам тут возьмем кусты на бетонном пирсе? А события развиваются – из «крузера» вылезает здоровенный мэн (явно в спортзале груши околачивает). Широленные плечи уравновешивают укрошаемый живот. Одет а-ля Путин – то есть водолазка под пиджак и черные

очки. За мной из машины появляется фемина неземной красоты и с серыми волчьими глазами. Батюшки, девушка! А я вас знаю (точнее, про вас слышал)! Это же Даша Спиридонова. В августе восьмого, в мои лейтенантские годы, когда мы давали грызунам обнюхать монтировку, их группа работала по соседству с нашей. И когда стало по-настоящему жарко, отвлекла внимание на себя. Она тогда совсем девчонкой еще была. В точке эвакуации вертушка забрала двух бойцов и ее, тяжело раненую в грудь, а остальные сгнули в тех горах бесследно.... По телохранителям мой глаз скользнул привычно – обычные бодигарды; ну не совсем обычные, из «девятки», но если что, для меня и моих ребят не проблема.

А этот здоровяк из джипа подваливает прямо к нам и сует в нос особисту свою красную корку.

– Одинцов.

А у меня что-то екнуло – вроде где то я уже слышал этот голос, с эдакими командно-административными интонациями. Он тем временем поздоровался с остальными и смотрит на меня, прищурившись, и мнет рукой плохо выбритый подбородок.

– Так-так постой... две тысячи восьмой, девятое августа, Южная Осетия, Зарская дорога, лейтенант Новиков....

Или я чего-то не понял, или этот московский гость из породы больших начальников меня откуда-то знает?

– Извините, майор, товарищ.... – решил я прояснить положение дел.

– Знаю, молодец, – кивнул здоровяк, – сам представление писал – и на «Геоorgia», и на очередное звание... а сейчас как увидел знакомую фамилию, так специально попросил, чтобы в прикрытии определили именно тебя.

Тут меня как прострелило.

– Товарищ «Одиннадцатый»?!

Я точно вспомнил, где слышал этот рокочущий голос – это же был наш «поводырь», он вел нашу группу через паутину засад и ловушек по грузинским тылам, наводя на самые ценные для грызунов объекты. А в самом конце, когда нам на хвост упала рота наемников из УНА-УНСО, навел на них пару Сушек, которые и помножили негодяев на ноль с привычной бесцеремонностью. Почему именно УНСОвцев? А вы где-нибудь рыжих голубоглазых грузин со славянской внешностью видели? То-то! Мы почти торжественно пожали друг другу руки. Кстати, как и многие авторы той победы, он потом тихо ушел в небытие – началась известная всем «перезагрузка» или точнее «перегрузка».

Кстати, когда особист понял, что наше знакомство с товарищем Одинцовым хоть и шапочное, но вполне обязывает ко многому, его даже перекривило. Ну, что ж поделаешь, дарогой, такова судьба.

– А ты, майор, не теряйся, – хлопнул Одинцов меня по плечу, – кончится вся эта сарабанда, сядем, возьмем по рюмочке зеленого чая, поговорим. Ведь ты со своими орлами будешь там же, где и мы – на «Николае Вилкове». Вот и ладно, свидимся.

Погрузка закончилась ближе к трем часам. По ходу пьесы выяснилось, что на камбузе Вилкова во всей этой суете про нас забыли – ужин будет вовремя, а уж обед – извините, замотались. Я уже было собрался послать гонцов в магазин – пусть хоть хлеба и молока принесут на всю роту (парни голодные как волки – их, оказывается, еще до завтрака отправили), как тут, неожиданно, из расположения пришла «хозяйка», груженная термосами, с обедом на всю роту. Потом выяснилось, что был опять «товарищ Одиннадцатый». В присущей ему манере он навел у нашего местного начальства такой шорох, что сразу нашелся и обед, и машина, и триста двадцать коробок с суточными рационами, как положено. Лейтеха из второй роты, который прибыл вместе с машиной, посмеиваясь, рассказывал, как после звонка из штаба, приправленного начальственными матами, маленький толстенький начпрод летал по своему складу аки перепуганный голубь, и хорошо, что при этом не гадил.

* * *

13 августа 2017 года, Вечер, Владивосток, борт БДК «Николай Вилков».
Майор морской пехоты Александр Владимирович Новиков.

Так. Вроде все устаканилось – бойцы повзводно разведены по кораблям группы, размещены по кубрикам, накормлены ужином. Оказывается, в Специальной Корабельной группе три боевых (или почти боевых) единицы. Тот самый БДК «Николай Вилков», на котором будут монтировать то самое секретное ни пойми что, там же разместился штаб группы, и туда я направил первый взвод под командой того самого лейтенанта Жукова. Молод лейтенант, молод и горяч. Но ничего, тут буду я сам, и тут же спецгруппа усиления, если что – подстрахуем. На флагман спецгруппы БПК «Адмирал Трибуц» я направил второй взвод, командиром там старлей Рагуленко со смешным прозвищем Слон. Говорят, что это у него за то, что он частенько наступает не на те ноги – ему по возрасту давно майором пора быть, если не подполком, а он до сих пор старлей. Кстати, слышал, что еще месяц назад он был капитаном. Интересно бы выяснить, за что его так? Третьим номером в нашей корабельной компании был большой морской танкер «Борис Бутрома». Его включили в группу, как мне кажется, по принципу «Бог троицу любит» или «как бы чего не вышло». На сем танкере запас топлива для учений на всю эскадру. И тебе «мазут флотский» для корабельных движков, и тебе соляр для дизельных генераторов, и тебе «керосин авиационный» для палубных вертолетов. Туда я направил третий взвод во главе со старшиной роты; выяснилось, что комвзвод три тоже внезапно пострадал, как и ротный. То ли они вместе попали под одну машину, то ли вместе пили паленую водку – непонятно, но пришлось срочно назначать старшину И.О. взводного и отправлять на танкер. А тут еще, прямо перед ужином, в кубрик к моим ребятам завалили военные врачи из группы полковника Шкловского и устроили моим парням форменную медкомиссию. Только что рентген не сделали. Общий осмотр, температура, давление, анализ крови, координация движений. Это у морпехов-то проверять координацию – с ума сойти можно! Вот ребятки пока тихонько, но забухтели – мол, это непонятно чего на людях будут испытывать... Пришлось зловредные слухи немедленно пресекать, а то и до греха недалеко. Ну и высказал я парням в том духе, что нечего бздеть, вместе с нами на корабле будет и само начальство; на суше, мол, испытания были и раньше, но никто не пострадал, так что советую добросовестно нести службу и стойко переносить тяготы. А кто будет думать не о том и учинит ЧП, остаток жизни того может стать очень неприятным.

И вот все, как положено – на палубах и у трапов выставлены парные посты; хоть мы и в своей базе, но бдим. Вот, парней чуть успокоил, но у самого на душе тревожно. Во-первых, из небытия вылез Одинцов, про которого слышал еще в Осетии, что он крут и при ВВП близко, а потом его опять куда-то затерли – вроде много знает товарищ. Во-вторых – контингент, подобранный в этот поход, был несколько специфический. Большинство офицеров уравновешенные, стойкие ко всяким стрессам и... неугодные, ибо смеют иметь свое мнение, да еще и высказывают его начальству. Причем я тоже такой. Явно не простили мне того мордобития в штабе, хоть дело и замяли. А то как же – только что были статьи в газетах, Аркадий Мамонтов сказал про меня пару добрых слов. Только-только я вернулся из Москвы, с новеньким орденом и майорскими погонами – а тут такой казус. Да, этот подпол-козел, может, подтолкнул под локоток кого надо, тихонько так. Но что сие означает – риск выше среднего, даже при нашей профессии? В то, что «товарищ Одиннадцатый» пойдет на риск в первых рядах, охотно верю. Но он и не самоубийца, так что, скорее всего, все в рамках. Вероятнее всего, именно так. Ну ладно, это нам не в первый и не в последний раз.

Итак, что мы имеем? Отделение разведки, профессионалы – ничем не хуже всяких там морских котиков, и с водолазно-диверсионной подготовкой у них нормально, а уж огневой бой

и рукопашная, так вообще на «ять». Кроме того, у нас полная рота морской пехоты – больше сотни рыл; парни тоже не пальцем деланные и хоть куда пригодные. Большинство хоть по пол разу, но сходили в Аденский залив – пиратов гонять или как мы поучаствовали в Сирийских делах, а тут задачи будут аналогичные, беспокоиться не о чем. Надежные парни; я тут успел после особистов еще раз личные дела пересмотреть – все ребята грамотные, год отслужившие, почти половина контрактники. Ротный старшина у них, по кличке «Куркуль», тоже с боевым опытом – кажись, с первой чеченской, если не с афганской. Потому и мыслит со мной одинаково. Выгреб ротную оружейку до последнего ствола, и тоже, что интересно, взял двойной боекомплект. Он бы и тройной взял, да не дали. Он и так забрал из ППД все до последней сапожной щетки, будто и не надеялся вернуться. К чему бы это? Но молодец, одобряю, пусть будет. Да, пока мы в базе, надо вытребовать на каждого по запасной тактической рации, уж раз пошла такая пьянка. Да было бы невредно ноутов с индивидуальными тактическими тренажерами – видал я такую вещь, забавно. Вроде бы и игрушка-стрелялка, а вот тактические схемы отрабатывать – самое милое дело, особенно когда под ногами палуба, а под палубой, да и вокруг, безграничный океан, и ни о какой тактике на местности не может быть и речи; а то Бог его знает, насколько все затянется. Да, надо заранее проверить акваланги на всю мою группу, да и запчастями запастись, а то мало ли что. Да и вообще прикинуть, чего бы еще на базе вытребовать, после похода замотаю – глядишь, и нормально запасемся имуществом, а то потом хрен чего выбьешь из этих самок собачьих. Вот он, товарищ мичман – на ловца и зверь бежит, и козыряет к тому же.

– Здравия желаю, товарищ майор, вверенный мне взвод размещен, происшествий и приключений нет, больные отсутствуют, то есть здоровы все.

– Товарищ мичман, Андрей Борисович, тут такое дело, – протягиваю старшине лист бумаги со своими «хотелками», – вот список того, что надо выдрать из окровавленной пасти наших интендантов. Есть, нет – ничего не знаю, пусть найдут.

Старшина пробежал беглым взглядом мою писульку.

– Тащ майор, все взято с запасом. И баллоны ваши, и компрессор с отдельным генератором, и даже бензин к нему... А так все в порядке, даже дали новые комплекты повседневной и полевой формы, но ребята еще старые не сносили, так что я их и захомячил. Здесь у вас под каптерку целый кубрик отвели, роскошно живем, все загрузил и разместил. Да, я в вашу каюту притащил терабайтный жесткий диск, выносной, да еще ноут, это бригадный зам-подушам велел вам отдать – типа кина там всякие, что дозволены к показу личному составу в походе. Намекнул еще, что психолога у нас нет, обещали прислать.

– Молодец, Андрей Борисович, куда б я без тебя, без хорошего старшины и рота не рота, а так ... позор один. Только вот на кой нам психолог, товарищ прапорщик? Хороший старшина бойца знает лучше всякого психолога, что известно еще со времен римских легионов.

И тут прапор возьми да и брякни:

– Я, товарищ майор, короче, дочку к бывшей своей отправил, и деньги с карточки все снял и тоже перевел. Если что, она дочку примет. Непокойно мне, зудит что-то – не вернешься, говорит...

Тут я и подумал: «Ну что я говорил, старый пес добре чует драку», – а вслух спросил, глядя в глаза:

– Думаешь?

Прапорщик только вздохнул:

– Чуйка у меня нехорошая, товарищ командир. Да и обстановка в мире тревожна; не на рыбалку идем, чай, анчоуса ловить.

– Так вот и у меня такая же, – медленно произнес я, продолжая смотреть ему в глаза. – Ты у нас на танкере идешь, с третьим взводом. А сколько у тебя, прапорщик Качур, Кордов?

– Девять...

– Забирай из них шесть, на танкере вооружение полностью демонтировано, так что большинство того, что у нас есть тяжелого, твое. «Иглы» бери, минимум половину. Гранатометы. Противотанковое отделение пусть тоже будет при тебе, так что «Корнеты» три штуки тоже за тобой. Если что, на танкере топливо для всей группировки, поэтому его и сунули под нашу охрану. Я буду тут, вместе с Жуковым и первым взводом, на БПК Рагуленко со вторым взводом, он и сам справится, я про него много хорошего слышал, тоже волк битый, да и ребята у него больше половины контрактники, много чего прошли и испытали.

– А психа куда? Человек новый, непонятный...

– А будет ли еще тот псих? Если появится, то оставляю его здесь, со мной. А если будет мешать, то угомоню своими методами, но это уже вряд ли.

* * *

14 августа 2017 года. Утро Владивосток, борт БДК «Николай Вилков».

Доктор технических наук Алексей Тимохин, 45 лет.

Сегодня на рассвете мы, ни с кем не прощаясь, покинули бухту Золотой Рог и вышли в Залив Петра Великого, на внешний рейд. Я надел свой фирменный рабочий комбез, про который наши МНСы и техники говорили, что у него «милльен карманов», и после восьми часов утра мы приступили к монтажу оборудования. Модули «Тумана» надо было соединить толстыми питающими кабелями с дизель-генераторами. Через специально выведенные разъемы в переднем грузовом люке вывести на верхнюю палубу гофрированные выхлопные шланги. Потом требовалось соединить генераторы шлангами с топливными емкостями, надежно закрепленными в носовой части. Собственные баки дизель-генераторов есть неприкосновенный запас. Проверка дизелей. Есть контакт. Ф-фух, не заметили, как и солнце забрались почти в зенит.

Сели перекусить с ребятами товарища Степанова – в большинстве своем это мичманы и старшины сверхсрочной службы, по обязанностям и уровню подготовки, это примерно как техники в нашем КБ. Руководили ими два старших лейтенанта с «нехорошими» фамилиями – Смурной и Злобин. Бросили на пол трюма «скатерть-самобранку» – кусок чистого полотна, которое команда специально возит с собой для таких вот случаев. Чисто по-русски – каждый выставил свое, что у него осталось из дорожного. Ну там бутерброды с сыром, еще из дома, домашние малосольные огурчики и помидорчики, банки с которыми любящие жены заботливо положили в сумки перед отъездом, термосы с кофе. Военные переглянулись и выставили на стол тушенку из сухпайков и местные морские деликатесы. Слаживание коллектива происходит не только за совместной работой, но и за совместным столом. Совместное распитие спиртных напитков мы с Василием Ивановичем пока запретили, впрочем, пообещав, что после завершения всех работ и отбоя можно будет пропустить по сто, вроде винной порции в царском флоте. А сейчас нам все нужны с острым глазом и верной, как у хирурга, рукой.

Да, сегодняшней я не похож на вчерашнего меня. Сегодня я не в дорогом костюме, а в джинсовом комбезе, правда, он тоже обошелся мне в копеечку. Но что поделаешь, удобство в работе превыше всего, а от синтетики у меня начинает чесаться кожа, причем везде.

После перекуса полезли подключать к дизель-генераторам питающие блоки «Тумана» – их у нас два, по одному на каждый дизель-генератор. Соединили кабели, снова запустили ДГшки, с ручного пульта прогнали тест... Работает.

– Ай! Егить твою налево... Мать ее так, наперекосьяк... – это один из РТВ-шных старшин слишком близко подошел к незакрытому изолирующей заглушкой гнезду с надписью «высокое напряжение» – и оно стрельнуло в него электрической искрой в несколько десятков киловольт. Запахло озоном. Мужика спасло только то, что он был в резиновых ботах, а пол в трюме перед установкой оборудования, согласно технике безопасности, выстелили резиновыми коврами.

Сначала у меня потемнело в глазах от ужаса – нам еще тут поджаренной тушки не хватало – потом русская душа раскрылась и наружу вырвалось:

– Какая, ексель-моксель, падла сняла заглушку? Там же десятки киловольт – убьет нахрен и фамилии не спросит! Хорошо, мужику повезло, да и про резину не забывает...

Я закончил гневную тираду и вижу – наше существо по прозвищу «Яга» замерло как кролик перед удавом. О-о-й, опять она – вечно растрепанная, худая, сутулая, в больших очках (без них она была похожа на школьницу). Эх, Лейла... Ну ведь гениальный же математик, лучше нее форму поля никто обсчитать не сможет, потому и взяли в эту командировку. А как возьмется что-нибудь руками делать, так все, прости Господи, «сует не в ту дырку»...

Тут я уже сорвался на Лисовую, ведь было же ей сказано: «Суфиеву к оборудованию близко не подпускать, хотя бы в гигиенических целях!».

– Алла! Ты мой зам или как? Как она вообще здесь оказалась? Она должна была сидеть в вашем «дамском» кубрике и обсчитывать конфигурацию поля... Что, уже обсчитала? Вызвалась помочь? Помощница, епть! Мужик из-за ее помощи чуть покойником не стал или инвалидом. А у него семья, дети... наверняка. – Тут я перевел взгляд на виновницу происшествия, застывшую молчаливым скорбным изваянием: – Значит, так, Лейлочка... Теперь ты должна ему два раза – нет, двадцать два раза – в качестве моральной компенсации. Алла! Перед женским коллективом ставится задача – помыть, постричь, побрить во всех нужных местах, надуть – и в койку... Бац! Да не реви ты так, я пошутил, точнее, почти пошутил, – чуть сбавил я тон, видя, как побледнела и запричитала Ягуша. – Но от следующей жертвы твоих шаловливых рук тебе не отвертеться. Задание насчет мытья, бритья и стрижки не отменяется. Все, брысь в кубрик, тебе здесь делать нечего. Поставьте на место эту дурацкую заглушку, и снова работаем.

Провели еще один контрольный пуск дизель-генераторов – с питающих блоков идут сигналы, так что все ОК.

– Василий Иванович, – сказал я, – в третьем контейнере с комплектующими кабельное хозяйство... Я показал ему схему, соединяем здесь и здесь. Петр Николаевич, сходите с товарищами военными, покажите им, где что, проложите несущие тросы и начинайте вязать. Да, макароны экономьте, обвязка испытательная, через каждый сантиметр хомуты бросать не надо. А то есть у вас привычка, изводите пачку на погонный метр. И слабину оставляйте, качка, то да се, тросы ослабнуть могут, а вот кабели и жгуты лопнуть не должны. А мы с вами, Василий Иванович, пока покурим. Пока все идет как по маслу, за исключением мелких происшествий. Вот подключим «Туман» к питанию, контрольные тесты прогоним, а там, глядишь, и обед... А после обеда начнем вытаскивать на палубу и монтировать антенное поле.

* * *

Тогда же и там же.

Доктор технических наук Лисовая Алла Викторовна, 42 года.

Лисовая – туда, Лисовая – сюда, Лисовая – кругом, Лисовая – бегом. Ну, я и выполняю, что ж мне остается-то. Стараюсь, как могу. Ведь если что – господин Тимохин будет в сером с блестками, а ответственность понесет бедная Лисовая, которая не доглядела, не додумала, не запланировала. В этом и суть зама «великого и гениального» генерального. Собственно, я хоть и ворчу, но знаю – без этой работы не смогу. Мое любимое детище «Туман» – единственное, что наполняет смыслом мою жизнь. Тут, на работе, я хотя бы чувствую свою значимость, понимаю, что нужна. Когда я занята выполнением своих обязанностей, мне некогда думать о собственной личной жизни, которой у меня, собственно, и нет. Не назовешь же личной жизнью связь с мой же подчиненным, с юнцом, который мне в сыновья годится и которому, кажется, вообще все равно, живая женщина перед ним или резиновая баба. Он молод, горяч, у него кавказский темперамент, и ему необходимо сбрасывать напряжение. Даже сама не знаю, почему я

продолжаю эту нелепую связь – ему ведь нет до меня никакого дела, у него только сексуальный интерес.

А у меня? А у меня это просто от скуки. Когда я с ним делаю «это», то притворяюсь, что что-то чувствую, а на самом деле вся эта возня не доставляет мне особого удовольствия. Наверное, я фригидная, но секс я и вправду не люблю, и вполне могла бы обойтись без него. Так зачем же я это делаю? Наверное, для того, чтобы заполнить пустоту и убежать от одиночества. Почувствовать себя живой, желанной... Мало кого интересует моя умная голова, тело привлекает гораздо больше. С телом у меня все в порядке, хотя мне самой и трудно судить об этом. На мой взгляд, грудь могла бы быть немного поменьше, я всегда стеснялась ее. Но мужчинам она нравилась, и всегда я с горечью понимала, что остальное, что важно для меня самой, оценить они не способны...

Почему так все у меня сложилось? Не нахожу ответа. Умом понимаю, что не во внешности дело, а все ж кажется, что все-таки по большей части в ней. Иногда, оставшись наедине с собой, смотрю в зеркало. Я никогда себе не нравилась. Узкое лицо, тонкий нос, маленький рот – невыразительное лицо с бледной кожей и мелкими чертами. Собственно, обычное лицо, не уродливое, но только портили его опущенные уголки губ и грустные глаза. Даже когда я изредка позволяла себе посмеяться, глаза оставались грустными – не сиял в них тот блеск, та чертовщинка, что так нравится противоположному полу. Совершенно неудивительно, что видные и привлекательные мужчины никогда не обращали на меня внимания.

Сначала, по молодости, я наивно полагала, что можно что-то исправить. Я думала, что, возможно, привлеку достойного мужчину, если стану ярче. Цвет своих волос я всегда ненавидела, с самого детства – блеклый, тусклый, какой-то мышинный. Да и густотой шевелюры Бог меня не наградил. И я стала краситься в рыжий цвет. Хна, которую я использовала, укрепила мои волосы и добавила им густоты, кроме того, перемена имиджа действительно сделала меня немного привлекательнее для мужчин... Да только ничего путного из этого не вышло. На меня все равно обращали внимание не те, что надо. Так что к сорока двум годам я пришла к печальному результату, заимев за плечами два неудачных замужества с разводами. Мужья мои были полными ничтожествами. Вот только разглядела я это не сразу... Видно, такова моя карма – быть несчастной в личной жизни. Даже ребенка родить не получилось... Хотя по этому поводу я не особо страдаю. Матерью-одиночкой оставаться мне бы не хотелось... Куда бы я пристраивала свое чадо, уезжая в командировки вроде этой? Так что все, что у меня есть – это любимая работа и свобода. Я привыкла. Также привыкла раз в месяц красить волосы. Я уже и не вспоминаю о том отвратительном сером цвете, что раньше делал меня похожей на мышь. Теперь я похожа на лису... на унылую немолодую лису. Шутки по поводу соответствия волос и фамилии сношу спокойно. И также довольно спокойно реагирую на окрики своего начальника, который иногда бывает слишком уж эмоционален.

В такие моменты мне даже нравится украдкой наблюдать за ним – о, он становится похож на горячего латиноса – размахивает руками, ругается, и глаза его при этом горят сатанинским блеском; просто заглядение – не мужчина, а вулкан страстей. Его возбуждение каким-то образом передается и мне – и мое сердце начинает биться чаще. Вот такая странная эмпатия у меня к моему начальнику... Ну, шутки у него, когда он злится, конечно, идиотские, но я привыкла, и уже не краснею и не возмущаюсь в душе, как раньше. Чего не скажешь о Лейле... Ну мог бы быть чуть сдержаннее по отношению к ней, не делал бы таких похабных выпадов насчет койки и прочего... Она, бедняжка, аж зашаталась от ужаса, когда все это услышала. Бедное дитя совершенно не понимает мужского плоского юмора и все воспринимает всерьез. Она настоящая дикарка. Порой такое отчебучит – хоть стой, хоть падай. Ну вот кто мог подумать, что она полезет снимать эти дурацкие заглушки, которые и снимать-то положено в самый последний момент при подключении фидеров высокого напряжения для питания эффекторного поля... Вот и нарвалась.

Шеф в пылу гнева все ей высказал; правда, боюсь, она не учтет его «рекомендаций». Или мне действительно следует привести эту девицу в порядок? Представляю, как она будет сопротивляться... Насколько я понимаю странные убеждения Лейлы, нерящество для нее – оплот добродетели. Ну как можно иметь такую светлую, почти гениальную голову, и при этом быть настолько погрязшей в предрассудках? Даже нет – не в предрассудках. У ее, хм, соотечественников, весьма своеобразное представление о морали. Похоже, она свято уверена, что уход за собой – страшно развратное действие, учитывая, что девушка вращается в смешанном, но по преимуществу мужском, коллективе. И стоит ей стать попричудливее, начать расчесываться, мыться и подкрашивать губы – как тут же мужчины наперебой начнут делать ей непристойные предложения, подкрепленные действиями эротического характера. И потому она старательно отпугивает потенциальных воздыхателей запахом пота и неопрятным внешним видом. И плевать ей на насмешки. Она их даже не замечает, или не понимает. Она вся погружена в свой внутренний мир, где властвует царица всех наук – ее любимая математика.

Вообще, глядя на Ягушу (вот честное слово, она даже не догадывается, что это за слово и почему ее так называют), хочется помочь ей стать свободной, освободить свое «Я». Хочется по-матерински поговорить с ней, наставить на путь истинный. Да вот только нелюдимка она, трудно ее разговорить, а уж дать наставления – об этом нечего и мечтать... А все же хочется верить, что настанет тот день, когда расцветет наша Лейла, преобразится, и откроет для себя мир, полный пленительных тайн и захватывающих приключений...

Впрочем, это меня уже на лирику потянуло. У самой-то не особо много в жизни было этих тайн и приключений. В основном – сидение в лаборатории, подсчеты, расчеты, отчеты, формулы, опыты, анализы... Все это, конечно, интересно, но не выходит за рамки обычной рутины и серой повседневности. Раньше, будучи помоложе, я все мечтала, что вот однажды произойдет со мной что-нибудь экстраординарное... и окажусь я волей судьбы на каком-нибудь таинственном острове или в другом загадочном месте... Вот тут-то и посыплются приключения! Как в песне поется: «Нам тайны нераскрытые раскрыть пора, лежат без пользы тайны, как в копилке...» Но сейчас, в сорок два (о ужас!) года я все реже и реже позволяю себе помечтать, каждый раз одергивая свою устремляющуюся вдаль фантазию: «Хватит дурью маяться, сиди уж спокойно, старая дура, твой поезд даавно ушел...» И снова становлюсь я холодной стервой с поджатыми губами, снова бегу выполнять распоряжения начальства, снова предаюсь не греющим меня любовным утехам, и снова, как могу, пытаюсь заглушить эту пустоту и неудовлетворенность жизнью...

* * *

14 августа 2017 года. Вечер, Владивосток, борт БДК «Николай Вилков».

Доктор технических наук Алексей Тимохин, 45 лет.

Вечер, закат. Все умаялись, теперь на палубе корабля вырос индейский домик «вигвам», издали похожий на панели солнечных батарей. Да, так и было задумано – что, мол, испытывают эти русские? Конечно, новую модель солнечных батарей, и ничто другое...

Стоим с Василием Ивановичем и курим, глядя на солнце, заходящее в туманную дымку, висящую над Владивостоком.

– Аллочка, крикни там кому-нибудь – термос с кофе нам, вниз. Мы пошли делать контрольный запуск.

В выгородке, отделенной от остальной части трюма пластиковыми щитами, обстановка была донельзя аскетичной – стол, два стула и предельно навороченный сервер HP, шнур USB подключен к блоку сопряжения, откуда уже разбегаются десятки разноцветных жгутов... Удалось выбить это чудо только под испытания, после них техника должна пополнить компьютерный парк отдела.

– Ну, Василий Иванович, с Богом!

Включаю комп. Жужжания терабайтного винта почти не слышно... Появляется заставка Линукса. Ну, навязало нам ФСБ эту операционку, чтобы враг не разобрался. Появляются пиктограммы программ, и среди них вот она, пирамида с глазом – изделие «Туман». Запускаю ее. Появляется окно о процентах тестирования оборудования.

– Ну, Василь Иваныч, держи кулаки... – тест завершен, 100% ОК. Переходим в основное окно. Так схема вся зеленая – значит, исправная, дизель-генераторы на 20% мощности, в дежурном режиме. Готовность к работе.

– Давайте, товарищ капитан второго ранга, давите на «Пуск», ваше право первой ночи с этим агрегатом, – затягиваюсь я сигаретой. – Ни пуха, ни пера!

– К черту! – Степанов подводит курсор мыши к кнопке и затаив дыхание нажимает. Даже на слух гул дизель-генераторов изменяется – они разгоняются, набирая обороты. На индикаторах столбик вырабатываемой мощности движется к 95% отметке, переваливают за нее и останавливаются на цифре 97,2%. Столбики отдаваемой мощности на антенных эффекторах чуть отрываются от нуля и начинают расти рывками. Выпрыгивает всплывающее окно, и лазерный датчик-анализер начинает рисовать на нем нечто похожее на поставленную ребром линзу.

Читаю графики.

– Ну, форма поля почти идеальна, – прерываю я молчание, – за минуту тридцать пять набрана номинальная плотность... Поздравляю вас, товарищи – установка к полевым испытаниям готова. Отключайте, товарищ Степанов, нечего зря соляр жечь.

Что странно – питание антенного поля мы погасили, уже и дизеля вышли на дежурный режим, а по данным анализера, маскировочное поле за счет остаточных явлений держалось еще почти минуту...

– Ну что, товарищи! – я потер руки. – По поводу полного успеха положено шампанское. Конечно, варварство пить благородный напиток из граненых стаканов... но да ничего, отметить все равно надо. Витя, вот ключи, в Термокинге ящик шампанского, возьми две бутылки. Алла, с девочек стаканы, празднуем.

Такое гадство – только мы разлили шампанское, как врывается товарищ Ким с круглыми глазами. Вы видели корейца с круглыми как блюдца глазами? Я до этого тоже нет. Говорить не может, только мекает...

– Вы, вы-ы...

Девочки ему остатки шампанского из второй бутылки налили и стакан в руку сунули – выхлебал как лимонад.

– Вы вырубили всю связь во Владивостоке... Штаб флота до меня только пробился, они не сразу поняли, чьи это штучки. Во всем городе нет сотовой связи, не работают телевидение, радио и мобильный Интернет. Вы хоть на палубу выходили? У вас, трах вас и тибидох, СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ над Владивостоком зажглось!

– Лейла, детка, дай-ка мне свои расчеты по форме поля... – Беру распечатанный на принтере листок, смотрю... ешкин кот! – Убить тебя мало, почему вертикальная шкала до двенадцати километров?! Беги к себе, сделай расчет на шкале в сто двадцать километров!

Но, кажется, я уже знаю ответ...

– Интересно... – Василий Иванович взял у меня листок, – и на двенадцати километрах поле почти не сужается и имеет достаточную плотность. Мы вполне могли зацепить этим гребнем по нижним слоям ионосферы и перевозбудить всю тамошнюю электронную братию. А мне ваш агрегат нравится все больше... В целях маскировки конфигурацию антенных эффекторов придется чуть менять – к примеру, еще больше наклонить верхний ряд панелей навстречу друг к другу, но как устройство РЭБ... А нельзя ваши панели скомпоновать так, чтоб получился узкий пучок, и направлять его, к примеру, в точку ионосферы над Лос-Анжелесом? И им пакость, и нам, к примеру, приятно.

– Можно подумать... – усмехнулся я, – но, потом, а сейчас нам с вами надо пойти в свои каюты и написать рапорта о сегодняшнем испытании. Все равно начальство не слезет ни с нас, ни с товарища Кима, пока не удовлетворит свое любопытство. Рапорта сдадим ему же. Пусть сам решает, кто и какой информации имеет допуск. А товарищу Одинцову доложу сам.

* * *

Тогда же и там же.

Кандидат технических наук Суфиева Лейла Рустамовна, 27 лет

Да что ж это такое... Я ж как лучше хотела... И, как всегда, опять сделала что-то не то, и начальник на меня наорал. Конечно, ему следовало отчитать меня, ведь из-за моей неуместной инициативы мог погибнуть человек, но он сделал это в такой форме... В оскорбительной. Наверное, он думал, что это очень остроумно. Я же готова была умереть на месте, когда он заявил, что я должна лечь в постель с пострадавшим... Испугалась я. Никогда не знаешь, что на уме у мужчин. Я стараюсь с ними поменьше общаться. К счастью, они тоже стараются меня избегать. Вот и прекрасно. Только надоело слышать: «Лейла, прими душ!» Женщины, с которыми я живу в комнате, морщат носы и заставляют меня мыться. Да вовсе ни к чему так часто мыться, как они! Раз в две-три недели – вполне достаточно. Ну, запах... А что запах? В крайнем случае можно духами побрызгаться. А если я начну мыться каждый день, мужчины подумают, что для них стараюсь, и пойдет потом обо мне слава... Дома узнают, скажут, что Лейла шлюха, перед чужими мужчинами красивая ходила, улыбалась им – и никто меня замуж не возьмет. А кому в ауле нужен гениальный математик? Прачка – нужен, повариха – нужен, ублажалка мужа – нужен, рожалка детей – нужен, нянька – нужен, а математик – не нужен. Но жена с дипломом – это престиж, вроде белого мерседеса, да еще люди думают, что если мать почти профессор, то и дети от нее тоже умные пойдут, в большие люди выйдутся. Да откуда же взяться умным детям, если их отец ишак? Но против родни не пойдешь. Замуж выходить когда-нибудь придется. Я, конечно, уже старая для замужества, но все-таки есть неплохие шансы, потому что некоторым женихам уже за пятьдесят. Большие люди, однако. Очень надеюсь, что жениха мне подберут хотя бы симпатичного. Но я тяну до последнего... Уже два раза брат приезжал, говорил – поехали, сестра, мы тебе хорошего мужа нашли. Кое-как отбиться получилось¹...

Если в третий раз брат придет и узнает, что я улыбалась, наряжалась – совсем плохо будет, никакая милиция не поможет... Поэтому не буду красоваться перед мужчинами, и мыться тоже не буду. Не станут же насильно меня в душ тащить... Ну, это я сейчас так думаю, что не станут, а тогда, когда начальник орал на меня и приказывал своему заму Лисовой провести со мной гигиенические процедуры, я подумала, что она с остальными женщинами так и сделает – свяжут они меня и поволокут мыться и избавляться от лишней растительности. В этом случае я бы, наверное, смирилась. Когда орудут бритвой в твоих интимных местах, лучше не дергаться...

Однако, на мое счастье, в этот день всем было не до меня. На вечер был запланирован пробный запуск нашей установки. Все готовились к этому важному событию. Разумеется, присутствовать при запуске должны были все, в том числе и я, которая тоже важный участник проекта.

¹ Лейла не в курсе, что второй раз ее брата спустили с лестницы телохранители Одинцова. Хорошо спустили, кувырком. Тот к аксакалам, а те сказали: «С этим (Одинцовым) не связывайся. Тебе же хуже будет. Большой человек, во всех смыслах большой, с ним даже наш раис за руку здороваются. Раис – начальник, в данном случае президент маленькой, но гордой горской республики.

Конечно же, все мы испытываем благоговение каждый раз, когда включают наше детище. Вот и сейчас каждый из нас застыл и затаил дыхание, когда Василий Иванович нажал на «Пуск» и все заработало.

Все прошло нормально. Потом мы пили шампанское в честь успеха. Ну, я, конечно, не пила, а так, пригубила слегка, как говорит Алла Викторовна – понюхала пробку. Не хватало мне еще прослыть выпивохой. И тут врывается этот ужасный человек по фамилии Ким, очень возбужденный, и кричит, что, оказывается, из-за нашего запуска во Владивостоке на полчаса отключилось электричество и пропала сотовая связь. Тут-то я и поняла, что что-то было не совсем так, как нами планировалось. А это Ким еще сообщил, что теперь над городом стоит Северное Сияние. Первым моим побуждением было выскочить на палубу, чтобы посмотреть, правда ли это (я никогда не видела Северного Сияния). Но тут Алексей Иванович потребовал у меня расчеты по форме поля.

Посмотрев графики и расчеты, он опять начал меня ругать, на этот раз сказав, что хочет меня убить. Пусть убивает, совсем не жалко... Бедная я бедная, несчастная я несчастная – сперва меня хотят уложить в постель к первому встречному, а потом убивают. Да. Оказывается я неправильно сделала расчеты до высоты всего в двенадцать километров, а надо было в десять раз выше. Тогда бы я увидела, что при данной конфигурации эффекторов поле задевает нижний край ионосферы. Дура я, дура. Так нельзя, потому что от этого может случиться много неприятностей. Все надо переделать, а меня наказать, но не так, как этого хотел Алексей Иванович.

* * *

Тогда же и там же.

Кандидат технических наук Позников Виктор Никонович, 31 год

Ничего у нас, у русских, правильно получиться не может. Ну почему я родился не в Америке? Вот уж действительно страна больших возможностей. Ценят там хороших специалистов, и не просто ценят, а поощряют финансово. Все там по уму устроено, не то что здесь, в Рашке. Не было порядка у нас, и не будет. Такой он, видимо, русский народ – все у него через одно место, потому что триста лет монгольского ига даром не прошли. Нет, не люблю я свою Родину. За что ее любить-то? Чушь это все и высокие слова, что Родину любую надо любить и не изменять ей. Придумали это те, которые хотят, чтобы лохторат, тупое быдло, которое они еще высокопарно называют «народ», терпело все унижения, тяготы и невзгоды – и не просто терпело, а еще и песни бодрые распевало о том, что нет на свете лучше нашей любимой и могучей страны. Лохи и распевают, и убеждают себя, что им несказанно повезло родиться в Рашке. По мне же, Родина – это то место, где тебе хорошо. О своей стране я этого сказать никак не могу... Я вижу вокруг несправедливость, бедность, коррупцию, хамство и наглость; и, самое главное, то, что тут почти невозможно добиться настоящего успеха.

Мне лично эта страна ничего хорошего не дала. Союз, последние годы существования которого пришлось на мое раннее детство, я помню плохо, но все воспоминания о нем у меня связаны с беспокойством. Очереди, дефицит всего и вся, продукты по карточкам и мыло по талонам. Запомнились люди, собирающие на улицах «бычки» – у них не было денег на покупку сигарет у спекулянтов. Да-да, мальчик в шесть-семь лет много что видит и еще больше понимает. Вот отец докуривает сигарету без фильтра с иголки, чтобы «не досталось врагам». Тогда я решил, что у когда-нибудь меня будет очень много денег, но я никому их не дам – все заберу себе.

Начало девяностых в памяти как-то четче – вседозволенность, разгул бандитизма, нищие на улицах, безработица, сумасшедшая инфляция – и вечная тревога в глазах матери, ночные разговоры родителей на кухне. Отец проклинал «этих деятелей» на чем свет стоит. Именно

от него я в первый раз услышал, что все умные люди уезжают в Америку, потому что там им обеспечивают достойную жизнь. Мать горестно вздыхала и поддакивала, озабоченная моим будущим. Так и сложился у меня образ Заокеанья – страны всеобщей справедливости, стабильности и достатка. Мне нравились их улыбочивые президенты и звездно-полосатый флаг, их ментальность и образ жизни.

Америка! Да неужели же один я мечтал о том, чтобы стать одним из твоих граждан? Неужели только меня манила эта баба с лучами на голове, обещающая свободу, настоящую свободу – быть собой и иметь свое мнение? А самое главное – свободу от страха за завтрашний день, страха стать изгоем, страха бедности. Нет, нас всегда было достаточно много – тех, что не желали гнить в проклятой всеми богами стране, тех, что желали для себя и своего потомства лучшей доли, чем пустое и бессмысленное прозябание под бодрые лозунги и лживые выкрики политиков.

А вообще-то настоящую свободу дают только деньги, деньги и еще раз деньги. Но разве здесь, в Рашке, я когда-нибудь смогу иметь столько денег, сколько мне нужно на все мои желания? Конечно, нет. Мне всегда было невыносимо больно осознавать это, и еще большее становилось от мысли, что я, возможно, никогда не смогу покинуть свою «Родину» и жить достойно где-нибудь в другом месте. И я знал, что если мне выпадет хоть маленький шанс воплотить свою мечту, я воспользуюсь им, пусть даже это будет связано с определенным риском.

Вообще с некоторых пор мне стало казаться, что, устроившись на работу в это НПО «Радиант», я потихоньку приближаюсь к воплощению своей мечты. Пока что все это носит смутные, неопределенные черты, но какой-то промысел в свою пользу я в этом угадываю. Доступ к секретной информации – а точнее, к секретному проекту – это вам не хухры-мухры. Сейчас я могу похвалить себя за то, что не особо рьяно декларирую свои взгляды. Конечно, бывало, что проскакивало, но не думаю, что кто-то всерьез обратил на это внимание. Собственно, предьявить мне в случае чего будет нечего. А разговоры... Это несерьезно.

Конечно, теперь мне следует быть осмотрительнее. Как я понимаю, мне выпала редкая удача (и шанс – вот он, один на миллион!) участвовать в испытаниях охрентельно секретной штуки. Надо смотреть в оба и стараться разузнать побольше об этом проекте, чтобы потом, собрав всю информацию, бежать с ней на Запад. Ну, вы меня поняли. Там я за эти секретные разработки получу кучу денег и заживу так, как положено жить такому умному человеку, как я. Копии всех расчетов есть в ноутбуке у Лейлы. Ей по должности положено, я узнавал. Когда вернемся из похода во Владик, надо будет подсыпать ей в чай снотворного, схватить ноутбук – и бегом на паром в Японию. Ну и что, что она может не проснуться. Кому она нужна – страшная, как смертный грех, и вонючая, как помойное ведро.

Правда, этот Одинцов – тот еще упырь; как вижу его, так холодные мурашки по коже пробегают. И мурашки эти с хорошо откормленную мышшь. Ведь он монстр, палач, кровавая гебня, хищник и убийца, с клыков которого еще капает кровь замученных жертв. Хоть и не было у меня с ним никаких столкновений, а вот просто интуицией чувствую в нем идейного врага; и он, видимо, тоже чувствует то же самое, старый волчара... В этом смысле он даже как-то неприятней, чем этот узкоглазый особист – товарищ Ким просто констатирует факты, «берет на карандаш», словом, всего лишь добросовестно выполняет свою работу; а «товарищ Одинцов» – неееет... у него глаза как два дула, и вся его суть – душить таких, как я... И сделает он это не задумываясь ни на секунду, стоит ему лишь точно убедиться в том, что я – враг. Пока он это только подозревает, но любому «пока» отмерен свой срок.

Но я не воспринимаю себя врагом. В смысле врагом народа. Мне вообще наплевать на всю эту идеологию. Я – за мир и дружбу между всеми странами. Пусть они будут сами по себе, а я хочу лишь спокойно и в достатке жить, и не видеть вокруг себя разное быдло. Хочу быть настоящим богатым, иметь виллу, яхту, личный самолет и счет в банке, чтобы больше никогда не работать, ведь это удел неудачников. Но между мною и счастьем стоит Одинцов, поэтому

я постоянно продумываю варианты по его устранению, но понимаю, что, к сожалению, у меня ничего не получится. Слишком опытный он человек, и слишком насторожен все время его телохранитель. Да и не нужно мне это, ведь моя цель – украсть что-нибудь ценное и быстро убежать, чтобы не успели поймать.

* * *

14 августа 2017 года. Вечер, Камчатка, Бухта Крашенинникова, г. Вилючинск, борт атомного подводного крейсера К-419 «Кузбасс».

Командир АПЛ капитан 2-го ранга Александр Степанов, 40 лет.

Еще утром ничего не предвещало беды, и команда занималась боевой учебой по заранее сверстанному плану, но еще до полудня в штабе дивизии кого-то укусила за задницу жареная свинья – и штабные забегали как ошпаренные, будто вспомнив о давно запланированном, но хорошо позабытом деле. А может, это из штаба флота неожиданно пришла начальственная указивка о проведении «внезапной проверки боеготовности»? Короче, в результате всей этой суеты примчавшийся к нашему причалу на УАЗике дежурный офицер передал мне приказ комдива, чтобы лодка была готова к выходу в поход на полный срок автономности. Боевое задание на поход было заключено в «красный» пакет, который следовало вскрыть в точке погружения. Развели, понимаешь, секретность, ни проехать, ни пройти.

А я, как командир, команде задачу как ставить должен – идем туда не знаю куда, выполнять не знаю какое боевое задание, но на полный срок автономности? Между прочим, полный срок – это больше трех месяцев. Хотя нет, слова о полном сроке автономности могут оказаться полной дезинформацией, чтобы не догадался враг, а реальности мы пойдем в поход на недельку или на две... Мы будем совсем рядом, а натовские «Посейдоны»² будут искать нас у мыса Горн, в южной Атлантике или у Бермудских островов.

Но нет, сразу же после отъезда УАЗика к нашему пирсу один за другим начали подъезжать тентованные грузовики, и нашему снабженцу мичману Покальчуку пришлось изрядно покрутиться, чтобы принять все привезенное и расписать по выгородкам принятое. Главное, что боекомплект у нас был уже загружен, и в этом смысле мы находились в полной боевой готовности и могли выйти в поход в любую минуту; то что грузилось на борт сейчас, должно было обеспечить на подводном крейсере комфорт, а отнюдь не создать условия выполнения боевого задания.

Пока продвигались погрузочно-разгрузочные работы, я собрал вокруг себя на крыше рубки старшего офицера, замвоспита, особиста, а также командиров боевых частей – чтобы коротко объяснить смысл всей этой текущей суеты и о том, что идем мы сам не знаю куда, сам не знаю надолго ли. Мы лодка-истребитель, самостоятельного значения почти не имеющая, по существующей тактической схеме мы должны действовать в паре с РПКСН³ проектов 667БДР и 955, или же ПЛАРК проекта 949А⁴, прикрывая их от вражеских субмарин-охотниц при выходе на боевую позицию. Таким образом, возник законный вопрос – кого мы будем опекать, и какую задачу этот кто-то будет выполнять – обычную учебно-боевую, или по тягости нынешнего времени мы примем участие в чем-то таком, о чем еще лет пятьдесят придется молчать во избежание негативных последствий.

² Boeing P-8 Poseidon (рус. Боинг P-8 «Посейдон») – патрульный противолодочный самолёт.

³ РПКСН – ракетный подводный крейсер стратегического назначения с баллистическими ракетами на борту: пр. 667БДР = 16 МБР Р29 (6500км) x 7 РГЧ ИН x 100 кт., пр. 955 = 16 МБР «Булава» (8000км) x 6 РГЧ ИН x 150 кт.

⁴ ПЛАРК – атомные подводные ракетные крейсера: пр. 949А = 24 ПКР П-700 «Гранит», пр. 949АМ (модернизированный) = 72 КР «Калибр» или ПКР «Оникс».

В ходе общения с командным составом выяснилось, что команда полна бодрости и ревется в бой (замвоспит и старший офицер); шпионов и врагов народа среди нас нет (особист); техника исправна и готова к походу (командир БЧ-5⁵). Но все равно, несмотря на бодрость докладов, командный состав нашего «Кузбасса» находился в состоянии некоторого мандража, ибо неизвестное всегда пугает, а неизвестное задание пугает вдвойне. В ходе обсуждения сошлись на мнении, что идти придется на другую сторону планеты, в Атлантику, а вот с кем идти и что там придется делать – сей вопрос остался сугубо интересным. Вы никогда не сможете догадаться о том, о чем вам совсем ничего не известно. Вот так и мой командный состав перебирал наугад самые разные варианты – как потом выяснилось, ни на йоту не сумев приблизиться к такой ветреной и непослушной истине. Единственное, что нам было понятно – это то, что больше ни на одной лодке из числа тех, что находились в базе, больше не наблюдалось признаков экстренной подготовки к походу.

* * *

15 августа 2017 года. 08-05 одна из гостиниц Владивостока
Спецпредставитель Президента Павел Павлович Одинцов, 52 года

Звонок, Господи, а я уже собрался уходить. Снимаю трубку.

– Паша? – голос, до боли знакомый всем россиянам.

Делаю знак своим, чтоб все исчезли и не отсвечивали и отвечаю:

– Да, Владимир Владимирович, это я, Вы чудом меня застали. Нога уже была на пороге. Сотовых же телефонов, сами знаете, там куда я иду нет и быть не может.

– Паша, – вздохнула трубка, – у меня есть к тебе предложение....

– Знаю, – ответил я, – но работать в этом гадюшнике, именуемом Вами правительством, не собираюсь. Вы же знаете, как меня прозвали и за что, зол я и нерукопожатен?!

– Знаю, Паша, – хихикнул президент, – мне докладывали, зовут тебя Полярный Лис, и жутко плюются. Да я и сам от них тоже не в восторге.

– Эх, товарищ Президент, разогнал бы ты этих клоунов к чертям собачьим... – я ухмыльнулся, – Дворковича, да, в дворники. Все равно они ничего не могут делать, кроме как гадать на кофейной гуще. Плыдем как известная субстанция по течению.

– Паша, не все так просто.... – возразил президент, – Но ты же знаешь, что говорил классик по похожему поводу... Это когда вчера было рано, а завтра будет поздно. Так вот, пока рано. Не время еще, подожди полгодика или чуть побольше, пройдут выборы, тогда и случится: «которые тут временные – слазь».

– И это знаю, Владимир Владимирович, – ответил я – впрочем, вернусь, поговорим. Хотя всякое может быть. Лишь бы не стало слишком поздно.

– Что, так серьезно? – встревожился президент.

– А то я Вам не докладывал? – хмыкнул я в ответ, – Их генеральный, профессор Баграмян, дает нам семьдесят процентов....

– А остальное? – в голосе президента прозвучало неподдельное беспокойство.

– А что угодно, – ответил я, – от пустого пшика до летального исхода. Пока не проверим – не пойдем. Для того и идем.

– Может, отменить? – засомневался голос на том конце провода.

– Ага, отменить! Отменишь тут. А с НАТО-й, не приведи Господь, случится конфликт из-за хохлов, чем воевать будем? Или даже не из-за хохлов, а просто так, за красивые глаза.

⁵ Перечень боевых частей (БЧ) на кораблях советского и российского ВМФ: старший офицер (помощник) – первый зам командира корабля, БЧ-1 – навигация. Командир БЧ-1 – главный штурман; БЧ-2 – ракетно-артиллерийское вооружение; БЧ-3 – минно-торпедное вооружение; БЧ-4 – связь; БЧ-5 – силовая установка и вспомогательные механизмы.

Сам знаешь, какая истерика там сейчас творится. Мы этим американцам сами по себе как кость в горле. Пока мы живы – не будет у них никакого мирового господства. И нет у нас, товарищ Президент, пицотмильенов солдат с винтовками Мосина! И лишнего времени тоже нет. Теперь опять через технику выкручиваться надо и как можно скорее.

– Ну, ладно, удачи тебе, Паша! Ни пуха! – говорит в ответ мой собеседник.

Кладу трубку и мысленно добавляю:

– К черту, Володя, к черту! Если вино налито, то надо его пить. Поехали.

Подхватываю со стула большую спортивную сумку и чемоданчик с ноутбуком – время не ждет. В коридоре мои люди – три охранника и референт. Охрана – три коротко стриженных мускулистых парня. Обычно они носят исключительно строгие деловые костюмы, но сегодня вся компания будто собралась на рыбалку.

Референт у меня посложнее этих живых механизмов для убийства себе подобных. Дашенька Спиридонова – старший лейтенант запаса ВДВ, комиссована по ранению после войны трех восьмерок. Экспансивная пуля раскромсала половину левого легкого. Подобрал, ее, как бездомного котенка, по просьбе приятеля из ее части. Три года по госпиталям и санаториям, а потом вердикт врачей – к службе негодна. Выпихнули со службы с нищенской пенсией по инвалидности и выселили из служебной квартиры. Паскудный Медведьевский Табуреткин... будь моя воля – пристрелил бы как собаку, хотя собаки намного благородней и человечней.

Ребята попросили о помощи бедной девушке и я снял для нее квартиру и послал на курсы секретарей-референтов, а потом взял к себе. И вот она уже почти четыре года со мной...

Вскочила, кусает губы... Рослая сероглазая блондинка с параметрами модели. Нет, мы не любовники, скорее, она мне вместо дочери; хотя, будь я на двадцать лет моложе – пал бы к ее ногам. А у нее в глазах – собачья преданность и тоска... Она уже выбрала – и безнадежно... Подобрал, обогрел, сказал ласковое слово – и вот результат. Старый я для тебя, девочка, старый.

Дашу беру с собой, потому что она без меня засохнет и убьется, а мне этого не надо. Спускаемся на рецешен. Спортивные сумки, удочки – рыбачить поехали... У входа ждет черный «крузер» с краевыми номерами – это прикрытие от местного Управления. Едем.

В машине Дашенька плотно прижалась ко мне горячим бедром, туго обтянутым бледной джинсой. Чувствовалось, что ее бьет крупная дрожь.

– Что с тобой, Даша? – беру в свою руку ее ледяные, сжатые в кулак, пальцы. Рядом бодигард, тактично отвернувшись, смотрит в окно. А может просто высматривает возможную опасность.

– Н-не знаю, – она понемногу успокаивается, – но тогда, под Цхинвалом, было так же... Чувство, что идешь прямо в засаду, на верную смерть... Но у нас был приказ – и мы пошли.

– Теперь у нас тоже есть приказ, – негромко говорю я, – впрочем, если хочешь, можешь остаться. Ничего тебе за это не будет. Я обещаю.

– Ни за что, Павел Павлович, я только с Вами... – тихо проговорила она и и вцепилась в мою руку как клещ. Ну, другого ответа я от нее не ждал.

В удаленной бухточке, у бревенчатого причала, нас ждал катер. Нас – это меня, Дашу и Вадима, одного из охранников. Остальные останутся здесь и будут весь месяц изображать рыбачий лагерь. Накрапывает мелкий дождик – это хорошо, за его пеленой не будет видно, что мы направились не к каменистым отмелям, а к маячащим на внешнем рейде военным кораблям. Я поплотнее затянул молнию на кожаной куртке – середина августа, а погода вполне осенняя.

– Застегнись! – показываю я Дашеньке на расстегнутую до пупа куртку. – Простынешь еще, а тебе это вредно.

– Ерунда! – раздраженно дергает она головой, но язычок молнии все-таки поднимает до середины груди.

Дождь, ветер, туманная дымка, затягивающая берег; неласково прощается с нами Владивосток. Смотрю на приближающийся серый борт с большими белыми цифрами «081». Наш новый временный дом на волнах... Устал я от временного, хочу постоянного. Но таков долг моей службы.

* * *

Тогда же и там же.

Старший лейтенант запаса ВДВ Дарья Спиридонова, 32 года.

Иногда мне кажется, что я скоро не выдержу. Что брошусь перед ним на колени с криком: «Я люблю тебя!» – и буду рыдать, заходясь в истерике... И тут же меня передергивает – ффу, ужас, какая дешевая мелодрама... Точнее, индийский фильм. Когда-то девочкой я их любила – да-да, хоть и стыдно признаться...

Я вообще была тогда сентиментальна. И слишком чувствительна. Решила в себе это искоренить. Для этого и пошла на такую службу... Ломала себя, воспитывала, сквозь слезы, боль, тяжелые тренировки. Я лезла вперед, стиснув зубы. Каждая победа над собой прибавляла мне уверенности. Да – я становилась крутой... Ловкой, сильной, стремительной и опасной, как гремучая змея. От собственной крутизны моя самооценка просто зашкаливала. Поклонники? О да, я сама выбирала парней, упиваясь тем, что контролирую свои чувства и без труда расстаюсь со своим любовниками, как только они мне надоедают. Конкурс был по пятьсот человек на место – девочка с обложки журнала, гордость разведполка ВДВ. Собственно, не так уж много их и было, этих любовников. Уточню – не так много, чтобы это повлияло на репутацию, но и не так мало, чтобы вызвать подозрения в нетрадиционной ориентации. И еще никогда среди них не было начальства, хотя желающих было хоть отбавляй. В такие игры я никогда не играла, и играть не собиралась. Наверное, потому потом и погорела. А может, иначе было бы еще хуже.

Я нравилась себе все больше и больше. Я была солдатом, я хладнокровно убивала врагов моей родины. С каждым убитым стальной блеск в моих глазах становился все ярче и холодней. Одновременно с этим я стала забывать, что я женщина. К этому-то я и стремилась – избавиться от всего того, что делало меня слабой по сравнению с мужчинами. Я была на пике, на вершине своей самодостаточности, которая, благодаря трагической случайности, оказалась просто фикцией.

Конечно же, я могла предполагать, что со мной может произойти нечто подобное. Это война... Никакой гарантии, что выйдешь из очередной переделки целой или живой. Но все же я верила в свою счастливую звезду. Или это так кружила мне голову моя шальная самоуверенность... Я была убеждена, что являюсь неуязвимой. Кто угодно может пострадать, погибнуть – но только не я... В худшем случае меня может просто царапнуть – но от этого ничего не изменится...

И вот мне был преподнесен урок. Пожалуй, самый важный за всю мою жизнь. Он показал мне, что я – не сверхсущество, как мне хотелось бы думать, а обычный человек, и, более того, обычная, из плоти и крови, женщина...

Приложило нас тогда здорово. Несколько месяцев я валялась в госпитале между жизнью и смертью, но наши военные врачи хорошо постарались – и вытащили меня из неминуемой могилы. Потом были два с половиной года попыток реабилитации по санаториям и вердикт врачей – негодна! Боль, страх, растерянность, одиночество – все это навалилось на меня так внезапно, что я просто окаменела под этим непосильным грузом. Я задавала себе лишь один вопрос: «Кто я теперь?» Только недавно я была бойцом, я выполняла трудные задачи, я брала – и оправдывала – ответственность, от меня многое зависело, со мной считались, советовались,

меня ценили и уважали. А теперь я – бессильная, с подорванным здоровьем, ничего не значащая человеческая единица, и никакая служба мне больше не светит; да, я просто кусок плоти – страдающей и слабой, слабой, и это самое ужасное, ведь я вернулась к тому, от чего пыталась уйти... С ужасающей ясностью я вновь почувствовала себя БАБОЙ, женщиной... И особенно больно было это осознание потому, что врачи, пряча глаза, сообщили, что у меня наверняка будут проблемы с вынашиванием детей...

И вот – месяцы тяжелейшей депрессии, когда я пыталась научиться просто жить обычной жизнью. Это удавалось плохо. И дело было даже не в бытовой неустроенности. Мне все время казалось, что когда-то я упустила что-то очень важное. Я снова хотела найти это важное, но в то же время боялась. Но оно стало возвращаться само, постепенно...

Я пыталась быть женственной. Я стала ходить в парикмахерскую и пользоваться косметикой... И теперь мне хотелось тепла и любви, хотелось постоянного мужчину, семью, но почему-то мужчины меня избегали. Избегали в том смысле, что не желали заводить со мной длительные отношения. Один из них как-то признался, будучи слегка под хмельком: «Глаза у тебя жуткие, Дашка... Холодные... Так и кажется, что вот внезапно схватишься за нож и прикончишь...»

С этим надо было что-то делать. Но я знала, точнее, интуитивно чувствовала, что нелегко будет растопить этот лед – пожалуй, только тот справится, кто полюбит меня вот такой, какая я есть...

А потом появился Одинцов... Ворвался в мою жизнь со стремительной грацией носорога – когда я уже думала, что она совсем кончена и я на самом дне – взял за руку и повел за собой. Не знаю, как это объяснить, но я сразу поняла, что это именно ему суждено отогреть мое сердце. Рядом с ним всегда было тепло, как у жерла вулкана. Он позаботился обо мне. Это, конечно, была отеческая забота, но я полюбила его – мучительно и безнадежно. Первое время мне даже было все равно, ответит ли он мне взаимностью. Я ощущала, как любовь меняет меня – удивленно я прислушивалась к тому, что шепчет мне моя душа. А она говорила, что ей хорошо, и она почти счастлива... Ведь это же самое важное – когда рядом человек, которому ты веришь и на которого можешь опереться в трудную минуту.

Я послушно выполняла все, что он мне говорил, и одновременно оживала, оттаивала, будто после долгой зимней спячки. Находясь возле Одинцова, я острее ощущала краски этого мира. И еще во мне просыпалось что-то такое, необъяснимое – наверное, это можно назвать женской сутью... Такое было со мной впервые.

Но он... Он считает себя слишком старым. Я-то вижу, и точно знаю, что он тоже любит меня по-своему, но не может дать себе волю, потому что убежден, что я непременно найду кого-нибудь получше – в смысле, помоложе. Вот такой у нас с ним странный тандем... Я тоскую, не смея признаться, а он сдерживает себя, думая, что таким образом оказывает мне добрую услугу... Не знаю, к чему это все в итоге приведет. Говорю же, иногда на меня просто безумие какое-то накатывает, когда хочется выплеснуть свои эмоции и во всем признаться. Порыдать, заламывая руки... Может, тогда он наконец поймет хоть что-то... Но, конечно же, я никогда этого не сделаю. И не потому, что это было бы «так по-женски», точнее «по-бабски». Просто, не будучи уверенной в результате такой демонстрации, я не хочу ломать то теплое и трепетное, что есть между нами сейчас... А там видно будет.

* * *

15 августа 2017 года. 12-00, Залив Петра Великого, борт БДК «Николай Вилков».
Спецпредставитель Президента Павел Павлович Одинцов, 52 года

Звуки «Прощанья Славянки» рвутся из динамиков. На ровной глади моря выстроились в кильватерную колонну уходящие в поход корабли – практически все, что осталось от былой

советской роскоши. Три больших противолодочных корабля – «Адмирал Трибуц», «Адмирал Виноградов» и «Адмирал Пантенлеев», наш БДК «Николай Вилков» и танкер «Борис Бутوما». На траверзе Фокино к нам присоединятся эсминец «Быстрый» и флагман Тихоокеанского Флота, ракетный крейсер «Варяг», которых сопровождают малые ракетные корабли океанской зоны типа «Овод». Все корабли еще советской постройки, и их недостаточно – а значит, фактически флот надо строить заново. А для этого еще работы ... начать и кончить. И в экономике, и в политике. Вот давеча я предложил ВВП разогнать правительство – а что будет, если он так и сделает, если вместо Медведевых и Дворковичей наберет во власть Рагозиных и Холманских, о чем разговоры идут уже два года?

Люди-то найдутся, не оскудела Россия ни талантами, ни патриотами. Но что в таком случае будут делать наши заклятые «партнеры» из НАТО? При слове «партнеры» у меня из сознания выскакивает только одно прилагательное «половые»... В честное деловое партнерство с Европой я не верю – все время, еще с эпохи Петра, с Северной войны, Европа стремилась решать за счет России какие-то свои крупные или мелкие меркантильные интересы. И недовольно морщилась, когда в результате этих комбинаций Россия тоже имела территориальные приращения. Потом была Семилетняя война, Наполеоновские войны, эпоха Венского конгресса, которая закончилась катастрофой Крымской войны и Парижским трактатом. Потом Александр II поднял Россию с колен, и после русско-турецкой войны старушка Европа снова бросилась всей толпой укрощать Россию на Берлинском конгрессе. Даже Германия, воссоединение которой произошло не без участия Александра II, и та присоединилась к врагам России. У Царя-Освободителя было полное право воскликнуть: «И ты, Брут?!».

А потом он был убит народовольцами.... Ха! Исполнителями, может, были народовольцы, но вот ослиные уши британских спецслужб во весь рост торчат в этом деле из-за занавески.... Потом была позорно проигранная русско-японская война, где даже союзная России Франция и набивающаяся в союзники Германия, тайно помогали Японии. А что уж говорить об англосаксонских кузенах США и Британии... те только что сами не стреляли в русских солдат. А вот английское и американское золото щедрой рекой лилось в японскую экономику, в пополнение военного бюджета и на организацию «Первой Русской Революции». Сбылась извечная мечта британских сэров, чтобы русские убивали русских. Потом случился кошмар Первой Мировой, где Англия с Францией, не желая делиться добычей, просто принесли Россию в жертву. В жертву не Богу (пусть даже и языческому), а Сатане хаоса и разрушения.

В результате Мировой Войны, Революции, Гражданской войны, Разрухи страна потеряла минимум двадцать миллионов населения и пятнадцать лет времени. Чтобы снова начать подъем, потребовалась такая неоднозначная фигура, как Сталин – ни у кого другого не вышло бы и близко ничего похожего. И вот на Мюнхенской конференции в тридцать восьмом году Россию-СССР опять приговаривают к уничтожению объединенными силами всей Европы. И не вина Чемберлена и Даладье, что история пошла другим путем. Не зря они так лают на пакт Молотова-Риббентропа, который порушил Мюнхенскую конструкцию. Потом была Вторая Мировая, в которой СССР была отведена роль сокрушителя гитлеровского фашизма, а США – роль главного бенефициара (выгодополучателя) той войны.

А потом США и Европа давили нас шестьдесят семь лет подряд. И сейчас, опираясь на почти бессильные руки, мы только-только смогли приподняться на одно колено. Средств хватает только на РВСН, да с недавних пор на сухопутные силы и на ВКС. До флота, тем более такого удаленного, как Тихоокеанский, руки не дойдут еще долго. В планах пока только ремонт и модернизация кораблей, находящихся в отстое. Тем более что флот необходимо увеличивать численно и улучшить качественно, лучше всего путем замены устаревших кораблей.... Все держится на энтузиазме, почти фанатизме, людей, носящих военную форму. Кто не выдерживает этого, тот уходит.... Флот – это не только корабли, флот – это еще и живые люди, сплав стали и человеческой плоти.

На галерее левого борта, под надстройкой, я не один. Тут и Алексей Тимохин со своей командой с «Радиянта» – для них это экзотика. Пока они участвовали только в испытаниях на сухопутных полигонах. Тут и офицеры РТВ штаба флота и морской пехоты, а также прикомандированные на испытания медики. Они прощаются с родным городом, исчезающим в дымке... Ведь там у них осталось все – родители, жены, дети... у кого-то, может, и внуки. И все равно они раз за разом уходят за горизонт, зная, что однажды могут не вернуться. Но все мое, кроме Родины, я везу с собой...

Дарья стоит рядом; наши руки, будто ненароком, чуть соприкасаются. Как мало нужно женщине для счастья... «Был бы милый рядом...» – так, кажется, пела Татьяна Буланова? У меня нет к ней никаких чувств, кроме отеческих, и мы оба играем в игру «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Боюсь, что она так и проведет впустую рядом со мной самые цветущие свои годы. И рад бы дать ей то, что она хочет, но пуст внутри, выгорел дотла еще двадцать лет назад. Осталась только холодная функциональность в работе и чуть-чуть сентиментальности вне ее.

Нахожу глазами майора Новикова, делаю шаг и слегка касаюсь его руки.

– Александр Владимирович, зайди ко мне вечером, после ужина, посидим за рюмочкой холодного игристого зеленого чая, поностальгируем о былых временах, когда мы были молоды и красивы.

* * *

Тогда же и там же.

Старший лейтенант запаса ВДВ Дарья Спиридонова, 32 года.

Стоя рядом с предметом своего обожания, я захлебываюсь от сладкой муки, едва касаясь кончиками пальцев Его запястья, и от этого касания меня будто пронзает сладкий ток, и я, как ни странно, чувствую себя счастливой (тьфу, как приторно звучит, но ведь мои мысли никто все равно не услышит... По-другому думать я пока не научилась. Вот – это и есть мои ощущения, по-другому и не выразишь их словами). Итак, мой герой смотрит на уходящий куда-то назад берег, постепенно тающий в туманной дымке, на корабли, на зелено-голубую морскую воду и белые барашки облаков где-то в небесной лазури... И его мысли в это время понятны мне, как будто это я сама так думаю – мы ведь одно целое с ним, и в такие моменты я ощущаю эту связь особенно остро. Сейчас в его уме мелькают сцены из истории, он думает о том, как часто и сильно ошибалось наше руководство и каких ужасных усилий стране стоило исправление этих ошибок. И пока мой милый мыслит о чем-то таком глобальном и великом, я имею право подумать о нашем с ним будущем. Редко-редко я позволяю себе это, но в последнее время это становится сильнее меня. Я даже одергивать себя перестала, вдруг осознав, что все побуждения совершенно естественны. Да, думаю о «нас», как о едином целом... И глядя на уплывающий вдаль Владивосток, верю, что такое будущее – одно на двоих – у нас с Павлом Павловичем обязательно будет и, более того, оно обязательно будет счастливым.

У этого замечательного человека не менее замечательная душа, и неважно, что она обгорела и обледенела за годы суровых испытаний. Я возьму его сердце в свои теплые руки и буду смотреть, как тает обволакивающий его лед, стекая на землю солеными каплями слез. Я сделаю так, чтобы его суровые стальные глаза снова могли смеяться, ведь нет ничего сильнее, чем любящее сердце женщины. Ведь когда я исполняю свои обязанности секретаря-референта, я делаю это не только потому, что это моя обязанность и мне платят за это деньги, но и потому, что мне приятно доставлять ему удовольствие и слышать низкий, как львиный рык, голос: «Спасибо, Даша».

Вообще, у меня сейчас такое чувство, будто мы плывем не на важное и опасное и ответственное задание, а в свадебное путешествие... Такое необычное и экстремальное путеше-

ствие. Каким оно будет и изменится ли что-то на самом деле? Да, я, конечно, тешу себя надеждой, что мой суровый герой наконец отгадет – не могу не тешить. Ведь не бывает так, чтоб в человеке все умерло? Не бывает. Я ведь не смогла искоренить в себе свои «слабости», как ни старалась. Все-таки пришла в конце концов к пониманию, что и не стоило их искоренять. Но я не жалею. Видимо, через все это мне необходимо было пройти. Сейчас я чувствую себя зрелым человеком, который хорошо понимает себя и свои желания.

Итак, наше путешествие началось, и мой герой, сурово хмурясь, задумчиво смотрит на уплывающий город, и я едва касаюсь его руки, отчего на меня накатывают волны счастья. Я знаю, что он справится с любыми опасностями, что могут ожидать нас в пути. И я никогда не оставляю его, я готова поддержать его во всем, чтобы он ни предпринял, и разделить с ним все его идеи. Кстати, я и так разделяю его идеи, потому что я уже проливала за них свою кровь. Милый, ну не будь же таким упертым... Посмотри на меня, увидь во мне женщину – теплую, живую, любящую. Родина, которую ты защищаешь, станет еще краше и ценнее оттого, если рядом с тобой будут любящие тебя и любимые тобой люди.

* * *

Тогда же, Авачинский залив, 10 морских миль восточнее Петропавловска-Камчатского, перископная глубина, борт атомного подводного крейсера К-419 «Кузбасс».

Командир АПЛ капитан 2-го ранга Александр Степанов, 40 лет.

Все положенные команды отданы, люки задраены – и лодка ныряет под толщу океанских вод. Это еще не экстренное погружение, но все равно на поверхности как-то неуютно и даже перископная глубина не дает никакой гарантии. Со спутника или с пролетающего самолета наша лодка будет видна как на ладони, но у спутников сейчас окно, а чужой противолодочник в окрестностях нашей собственной базы, да еще в пределах российских территориальных вод, можно было бы считать нонсенсом, который следует пресечь парой взлетевших по тревоге истребителей. Таким образом, настало время вскрыть красный пакет, а то в штабе развели вокруг этого похода секретность, так что и не продохнуть. Тем более, что в ГКЦ⁶ уже собрались офицеры, обязанные присутствовать при вскрытии пакета.

Разумеется, в обязательном порядке наличествует мой старший помощник, мое второе я, капитан третьего ранга Николай Васильевич Гаврилов, которого экипаж (срочников, слава Всевышнему, нет) зовет просто «Гаврилычем». Но что поделать, если у старшего помощника такая собачья должность⁷, при которой он несет ответственность за все происходящее на корабле фактически наравне с командиром. Вот кто у нас тут настоящий раб на галерах. Экипаж убежден, что «Гаврилыч» вездесущ, всемогущ и всеблаг, и никак не менее. Я в должности командира «Кузбасса» совсем недавно, а кап-три Гаврилов – совсем наоборот, съел тут на камбузе пуд соли. Однако в штабе дивизии поговаривают, что в ближайшем будущем нашего «Гаври-

⁶ ГКЦ – главный командный центр корабля, заменяет/объединяет такие устаревшие понятия как «мостик» и «рубка».

⁷ Старший помощник командира корабля отвечает: за боевую готовность, оборону и защиту корабля; воспитание и воинскую дисциплину личного состава; организацию взаимодействия между боевыми частями и службами; организацию службы и внутренний порядок на корабле; правильность ведения документации; приготовление корабля к бою и походу; организацию борьбы за живучесть; защиту от оружия массового поражения; радиационную безопасность (для кораблей с ядерной энергетической установкой). Старший помощник должен быть готов в случае необходимости заменить командира корабля, для чего обязан знать все его служебные намерения и приказания, полученные от вышестоящих начальников, знать в совершенстве материальную часть корабля и иметь допуск к самостоятельному управлению кораблём. При кратковременном отсутствии командира корабля старший помощник вступает в командование кораблём, и одновременно продолжает выполнять свои прямые обязанности. Должность старшего помощника – обязательная ступень для офицера на пути к самостоятельному командованию кораблём. Обязанности его так обширны, а ответственность так велика, что Корабельный устав специально предусматривает, что большую часть времени старший помощник проводит на корабле.

лыча» ждет должность командира одной из новеньких черноморских «Варшавянок», что на фоне его достоинств совсем не удивительно.

Заместитель по воспитательной работе кап-три Кальницкий – это человек из совсем иного теста, чем старпом. Наверное, это потому, что должность его с советских времен сохранилась для галочки. Ну как ты будешь воспитывать команду, состоящую исключительно из офицеров, мичманов и старшин сверхсрочной службы? Мужики все достаточно взрослые, ответственные, да к тому же запертые в относительно небольшой стальной коробке, погруженной под толстый слой океанской воды, и, бывает, неделями не всплывающей на поверхность. Вот и замвоспит у нас, как Карлсон: «Спокойствие, спокойствие и только спокойствие», своим тихим голосом он любого заговорит так, что человек, только что метавшийся по отсеку разъяренной тигрой, вдруг становится вменяем и вполне спокоен. Но на этом чудеса заканчиваются. Приворот-отворот замвоспит не снимает и энурез наложением рук не лечит. У экипажа проходит под прозвищем «Сергеич». Помимо основных обязанностей на общественных началах занимается художественной самодеятельностью. Будем пересекать экватор – знайте, что Нептун это Сергеич, и никто другой. Только там он слегка замаскирован. Но, несмотря на всю свою малозначимость, замвоспит присутствует – как-никак он тоже мой заместитель, а это должность одного ранга со старпомом.

Особиста мы пока опустим, тем более что его в ГКЦ и нет, пошел в свою каюту, где в сейфе лежит тот самый пакет, поэтому перейдем сразу к командиру БЧ-1, нашему главному штурману кап-три Максенцеву Сергею Антоновичу по прозвищу «Циркуль». Всем хорош наш главный штурман и как специалист и как боевой товарищ, но, скорее всего, это его последний поход, а потом списание на берег по состоянию здоровья. Годы идут, поэтому у нашего КБЧ-1 понемногу начинает сбоить сердце и играет давление. Именно из-за состояния здоровья Сергея Антоновича не отправляют на курсы помощников командиров, а может, это происходит потому, что к командно-административной работе кап-3 Максенцев мало пригоден, и должность КБЧ для него потолок. Возможно, что с управлением своими архаровцами он справляется только потому, что те уважают за высочайший профессионализм и стараются не раздражать любимого командира, а на лодке, так сказать, в общем, со всей командой это вряд ли сработает. По поводу скорого списания на берег Сергей Антонович в печали и мы все ему сочувствуем. Как же мы будем обходиться без специалиста такого высокого класса и такого надежного товарища?

А вот и наш особист, он же «молчи-молчи» старший лейтенант Ивантеев Константин Андреевич, по заглазному прозвищу «Кот наоборот», то есть Кот (Константин) здесь, а улыбка по факту отсутствует. В руках у Кота тот самый красный пакет, который на самом деле никакой не красный, а значит, настала та минута, когда мы узнаем истинный смысл ребуса, в который нас втравили штабные. Особист передает мне пакет, я убеждаюсь в целостности печатей, показываю пакет со всех сторон присутствующим офицерам, после чего с треском надрываю плотную непромокаемую бумагу.

Из вскрытого мною пакета наружу выпал листок бумаги и еще один запечатанный пакет, поменьше. Лист бумаги оказался приказом следовать в точку с заданными координатами 52СШ 161ВД, где принять под сопровождение находящийся в одиночном учебно-боевом походе ПЛАРК 949АМ К-132 «Иркутск» и эскортировать его в точку с координатами 40СШ 150ВД, в которую необходимо прибыть 18 августа сего года. На связь в ходе выполнения задания не выходить и никакими другими способами себя не обнаруживать. После выполнения первого задания, прибыв в заданный район, не обнаруживая себя, вскрыть красный пакет №2. Печать, подпись командующего Тихоокеанским флотом адмирала Авакянца.

Об этом «Иркутске» я уже слышал, и неоднократно. Совсем недавно он вернулся к нам после ремонта и модернизации. Был нормальный «Антей» с двадцатью четырьмя «Гранитами»,

а получился какой-то «дикообраз» с семьюдесятью двумя новомодными «Калибрами»⁸. Если такой подводный крейсер подойдет к побережью вероятного противника на дальность полета своих «Калибров»⁹ и начнет «метать икру», то мало на том побережье не покажется никому.

Мой старший помощник, выслушав приказ, только удивленно присвистнул.

– Все страньше и страньше, – сказал он, – сколько служу, такую «матрешку» вижу впервые. И хоть мы люди военные и не должны проявлять излишнего любопытства, но все-таки хотелось бы знать, что бы это все в итоге могло бы значить.

– Ну что это значит, и так понятно, – ответил старпому Кот Наоборот, – мы должны будем сопровождать этот «Иркутск» в заданную точку, чтобы его не обидела привязавшаяся по дороге какая-нибудь распутная «Виржиния». Мы то сами кого хочешь обидим, догоним и еще раз обидим. А вот что «Иркутск» должен будет делать в конечной точке заданного маршрута, мы либо узнаем из второго пакета, либо не узнаем никогда. На том и стоит наша служба.

– Да действительно, товарищи офицеры, – сказал я, – приказы должны не обсуждаться, а выполняться, а посему все расходимся по своим постам и приступаем к работе. Константин Андреевич, положите пакет №2 в свой сейф, а вы Сергей Антонович, рассчитайте курс в точку рандеву с «Иркутском».

Выдержав многозначительную паузу, я посмотрел на своего старпома.

– И самое главное, Николай Васильевич, доведите до команды, что ничего экстраординарного не происходит, обычное выполнение учебно-боевого задания.

– Ну да, – вполголоса ответил тот, приблизив свои губы к моему уху. А в конечной точке маршрута «Иркутск» как жажнет «из всех стволов» по американским базам в Японии, Корее и куда там еще дотянется – и будет нам третья мировая, вид сбоку.

– Может и жажнет, Николай Васильевич, – ответил я своему старпому, – но вряд ли. Общая военно-политическая обстановка не соответствует. Но даже если и жажнет, то это еще не повод впадать в общемировую скорбь и не выполнять приказы. Мы люди военные и должны выполнить свой долг до конца.

Вот и все, на этом околоружественные разговоры завершились, и началась обычная служба. Больше я от капитана третьего ранга Гаврилова на эту тему не слышал ни слова, и команда тоже вела себя как обычно, а значит, необычное начало похода было принято к сведению, и не более того.

* * *

15 августа 2017 года, поздний вечер, Японское море, борт БДК «Николай Вилков».

Майор морской пехоты Александр Владимирович Новиков.

Накинул на плечи китель, махнул пару раз расческой по волосам. И чего же это он меня приглашает? Слышал я про Одинцова не много, но знаю, что фигура он в определенных кругах почти мифическая. В открытую он никогда в политике не светился, но знающие люди говорили, что был причастен ко всем крупным событиям с момента прихода к власти ВВП. Говорили разное, но не обходились без него и события Кавказе, и дело Юкоса. Вот теперь он на этих испытаниях – а значит, их по масштабу можно хотя бы сравнивать с войной в Осетии... Что означает, товарищ майор, что попали вы как кошка на горячую сковороду. Про этот «Туман» я слышу впервые, что, конечно, не исключает факта его существования и полной работоспособности. Двух с лишним суток в этом деле вполне достаточно, чтобы понять примерное назна-

⁸ Мы знаем, что сроки оттянуты и такая модернизация должна быть завершена только в 2019 году, но этот мир немного альтернативный и «Иркутск» в нем вступил в строй тогда, когда и предусматривалось первоначальными планами.

⁹ 2600 км для ракеты с фугасной БЧ и 1300 км для ракеты с ядерной БЧ в 150 кт.

чение и принцип действия установки. Гражданские спецы болтают достаточно, да и офицеры из службы РТВ нет-нет да и выронят неосторожное слово; подумать только – полная антирадарная защита корабельной группы и мощнейшее устройство РЭБ в одном флаконе... Представляю десантное соединение, подкравшееся, например, к Лос-Анжелесу в тот момент, когда там полный хаос, а из связи остался только проводной телефон. В случае войны много дров можно успеть наломать. Не зря тут Одинцов торчит, не зря. Так, а я ему нужен зачем – на случай непредвиденных осложнений? Секрет-то страшенький – а вдруг найдется кто желающий дернуть к Дональду Даку с чемоданом чертежей, за бочкой варенья и корзиной печенья....

Стучу в дверь, и в ответ доносится:

– Войди!

Одинцов одет по домашнему – в черные джинсы, черную рубашку с закатанными рукавами и... тапки без задников. Сидит, щелкает по клавишам в ноутбуке. Увидев меня, что-то там нажимает (скорее всего, сохраняет свою работу) и отодвигает ноут в сторону.

– Садись, Александр Владимирович. Дарья, у нас гости!

А Дарья – та самая сероглазая гренадер-девица – уже достает из шкафчика бутылку коньяка и три маленьких стакана. Хороша Даша, да не наша; глаза у нее, как у моего снайпера, который не один десяток бородатых душ спровадил на свидание с их Азраилом.

А Одинцов уже разбулькал коньяк по стаканчикам.

– Давай за них, давай за нас, и за Кавказ и за спецназ! Ну что, будем?

Опрокидываю стакан в глотку, коньяк привычно обжигает горло... Ух, хорошо пошел.

– Ты закусывай, майор, закусывай... – Одинцов кивает на тарелку с крупными ломтиками лимона и сыра, неведомым для меня образом очутившуюся на столе. В руках у Дарьи были только коньяк и стаканы... Вот цирк. Да и сам коньяк – не та подкрашенная химия, что продается в наших магазинах. Вот Дарья наворачнула коньячку, а теперь с задумчивым видом жует ломтик лимона.

– Дашуня, у нас с майором мужской разговор... – Одинцов снова взялся за бутылку, – будь добра, побудь у себя... – Дарья гневно сверкает серыми глазами – видно, хочет сказать что-то резкое и нелюбезное, но молча кивает и, поджав губы, выходит.

– Ну, что, товарищ майор, как тебе обстановочка? – Одинцов берет в руку стакан.

– Хорошо пошла вторая, – утираю рот рукой и наскоро зажевываю коньяк лимоном, – Обстановочка ничего, товарищ Одинцов, если, конечно, не будет приказа ротой на Гавайи высаживаться....

– Такого приказа не будет, не переживай. Эти Гавайи сейчас нам на... не нужны, может, потом когда-нибудь. Да, сейчас мы вне строя, так что я для тебя Павел Павлович, а еще лучше Паша. Есть устав, и есть уставщина, терпеть не могу последнюю. Ты мне лучше, Александр Владимирович, скажи, как тебе весь этот кавардак на борту.

Эх, была, не была....

– Так, товарищ Одинцов, знаешь, чувство у меня, что на бомбе сижу... и часики уже тикают.

– Ну, майор, не ты один такой, у меня то же самое чувство... – Одинцов потер подбородок, – но вот не могу понять, кто эта бомба или что....

– Особист, этот Ким, какой-то неясный... – я разжевал кусок сыра, – ох, не нравится он мне, смотрит все время куда-то мимо тебя.

– Во! – Одинцов поднял вверх палец, – но это не вся проблема, или даже не проблема вообще. Сам этот Ким, будь он даже сам Джеймс Бонд и Брюс Ли в одном флаконе, ничего сделать не сможет. Команду мы на БДК перед походом тщательно перетрясли на семи ситах – все чисто. Командир, штурман, мех – все лучшие из лучших, и ниточки от них никуда не тянутся. К тому же первоначально в документах был указан другой корабль, тоже БДК, но 775 проекта, «Ослябя», кажется. Но дело не в этом... – голос Одинцова стал совсем трезвым, –

слышал я, опять в Вашингтоне нехорошие шевеления. Говорил я тогда... Мы не зря пошли на испытания в этот район и в такой компании... В случае обострения обстановки в любой момент может поступить приказ превратить испытания в боевые маневры. Под прикрытием «Тумана» подвести «Варяг» к острову Оаху на такую дистанцию, что залп его Базальтов стоящий на якорях флот янки просто не успеет отразить... Конечно, стрелять нам не придется, главное – обозначить для Пентагона то, что мы имеем такую возможность, но обстановка будет максимально приближенной к боевой. А это значит, что у кого-нибудь может поехать крыша от страха или напряжения... Люди у нас разные, попадают даже общечеловеки. К некоторым придется применять силу. Никакой особист Ким тут ничего не играет, единственная вооруженная сила на кораблях в достаточном количестве – твои морпехи. Ну, ты как – со мной в одном флаконе или нет?

Я сам налил себе коньяка в стакан и не спеша выпил, закусил лимончиком.

– Товарищ Одинцов, я слышал про вас много разного – хорошего и не очень. Но, в общем, ваша деятельность мне, скажем, нравится, и я в курсе вашего статуса... Если из Москвы поступит такой приказ, или случится нечто чрезвычайное, то я и мои бойцы целиком в вашем распоряжении, невзирая ни на что...

Одинцов тоже налил себе коньяка.

– Статус, шмагус... – проворчал он, доставая из нагрудного кармана свернутую вчетверо бумагу, – на, читай!

Я развернул листок, прочел несколько коротких фраз, рассмотрел подпись и гербовую печать, потом аккуратно свернул и отдал Одинцову.

– Да уж, настоящий карт-бланш... В стиле Дюма, «Все, что сделал податель сего, он сделал по моему поручению и на благо государства».

– А ты думал, чего они вокруг меня так на задних лапках пляшут? – ухмыльнулся Одинцов и взялся за стакан. – Выпьем за наше с тобой взаимодействие... И за то, что бы все обошлось, и оно нам не понадобилось. – Он заметил мой вопросительный взгляд. – Знаешь, в основе политики лежит искусство избегать применения силы, но уж если не удалось, бить надо со всей дури и идти до конца, иначе каюк! Понял, майор? – глаза его были совершенно трезвыми, и какими-то тоскливыми, что ли...

– Понял, товарищ Одинцов, понял, – я разлил по стаканам коньяк. – Так вот, Павел Павлович, давай выпьем «за нас с вами и за хрен с ними!», – стакан сам опрокинулся в глотку. – Запомни, – выдохнул я, – когда позади тебя майор Новиков, ты можешь быть спокоен за свою спину. Все, последняя, хватит! – я накрыл свою рюмку ладонью. – Пора и честь знать...

– Ладно, Александр Владимырьч, – кивнул головой Одинцов, – бывай, и помни, за царем служба, а за богом молитва не пропадут...

– Если что – то как только, так сразу. – Поднявшись на ноги, я одернул китель. – Честь имею...

Выйдя в коридор, я с облегчением выдохнул. Хрен, их знает, этих больших начальников, сегодня они хорошие, а завтра... И пить с ними – адово наказание, все время надо думать, чтобы не ляпнуть лишнего. Но Одинцова, если что, я прикрою, он-то из них самый порядочный, другие сильно похуже будут. А пока пройдуся я, проветрюсь на ночном ветерке, заодно и посты проверю...

* * *

16 августа 2017 года, 04-00. Тихий океан, точка с координатами 52СШ 161ВД, борт атомного подводного крейсера К-419 «Кузбасс», глубина 125 метров, ход 8 узлов.

Командир АПЛ капитан 2-го ранга Александр Степанов, 40 лет.

Ночная вахта; кроме подвахтенных, все мирно спят в своих койках. Лодка идет тихо, в режиме максимальной скрытности. В ГКЦ из начальства только я и главный штурман. Мичман-гидроакустик напряженно слушает море, но пока ничего не обнаружено, кроме перекликающихся где-то вдалеке китов. Эти живые подлодки способны общаться между собой на расстоянии сотен миль, но нам это сейчас неинтересно.

Кстати, «Иркутск» тоже мог получить команду себя не обнаруживать, и теперь у нас задача найти в заданном квадрате прячущуюся от нас субмарину, возможности которой после модернизации до конца неизвестны. Вряд ли во время модернизации ему поменяли только ракетный комплекс, могли еще улучшить скрытность. Новое покрытие корпуса, новые более качественно сделанные винты, улучшенная амортизация оборудования...

В таком случае мы сейчас принимаем экзамен у инженеров, проводивших модернизацию, и тогда это есть одна из главных задач нашего похода. «Иркутск» – это только первый «Антей» из узкоспециализированного «убийцы авианосцев», превратившийся в универсальный носитель крылатых ракет, и командование вполне могло захотеть выяснить реальные характеристики обновленного боевого корабля, а не те, что нарисованы инженерами на бумаге.

– Вполне возможно, Александр Викторович, – согласился со мной главный штурман, – последнее, так сказать, испытание в почти боевых условиях.

– Если это так, – тихо произнес я, стоя за спиной у гидроакустика, – то пока можно считать, что конструктора со своей задачей справились, потому что никакую лодку найти мы пока не можем.

– Сергей, – обратился я к мичману-гидроакустику, – выпускайте буксируемую антенну.

Пока разматывался кабель ГАС, в голову мне лезли всякие глупости, вроде того, что при модернизации чего-нибудь накосячили, как это часто бывает в последнее время. Вон даже космические ракеты падают, а спутники улетают не туда, куда планировалось, и потом их ищут по небу с собаками. В таком случае и «Иркутск» тоже уже вместе со всей своей командой лежит на глубине пяти километров на дне Камчатского желоба, раздавленный давлением воды как яичная скорлупка...

Или, к примеру, что раньше нас здесь побывала американская лодка-убийца и сделала с «Иркутском» то же самое, что семнадцать лет назад случилось с «Курском». И пусть нам не втирают в мозг манную кашу про «внутренний взрыв торпеды». Каждый, кто видел фото затопленного «Курска», скажет, что взрыв произошел снаружи, а не внутри корпуса. В таком случае наши опять заснут говорить правду и показывать пальцем на заклятых партнеров, а тем более заснут приказать догнать бандита и отомстить за ребят. Нет такого преступления, которое не сошло бы американцам с рук. Но это только пока, потому что однажды мы получим приказ мстить – и тогда они поймут, что в такие игры можно играть вдвоем...

Неожиданно мичман-гидроакустик, призывая к вниманию, поднял руку и сказал:

– Есть контакт с «Иркутском», тащ командир. Они здесь, я их слышу. Ходят на малых под нами на ста пятидесяти.

– Это точно они? – усомнился я. – Не «Вирджиния» и не «Лос Анджелес»?

– Обижаете, тащ командир, – ответил мичман, – по акустике это точно «Иркутск», никаких сомнений.

– Ну, хорошо, Сергей, – положил я руку на плечо мичмана, – передавайте позывные...

Некоторое время спустя мичман поднял голову.

– Ответили, – сказал он, – по позывным это точно «Иркутск».

– Тогда передайте им, – сказал я, – что мы имеем приказ взять их под сопровождение и эскортировать в точку с заданными координатами для выполнения задания этого учебно-боевого похода.

– У командира «Иркутска» такое же распоряжение, – ответил мичман, – в дальнейшем они будут выполнять все наши указания.

– Ну, Сергей Антонович, – сказал я главному штурману, – прокладывайте курс в точку номер два.

* * *

**17 августа 2017 года, 07-00. Охотское море, между пр-в Лаперуза и о. Итуруп
24 мили севернее побережья о. Хоккайдо, борт БДК «Николай Вилков».
Морской пехотинец Сергей Никонов.**

Вот за что люблю караул, так это то, что когда стоишь на посту и несешь службу как положено, никто к тебе не прицепится. Правда, когда нас прикомандировывают, то к нам и так не прикапываются, так как количество прямого начальства вокруг нас резко сокращается. В расположении всегда найдется неугомонный офицер, а тут лафа, один наш взводный лейтенант Жуков, ну еще временный комроты майор Новиков. Жуков – тот молодой и зеленый, чуток нас постарше, потому и старается быть справедливым и по пустякам не придирается.

А майор Новиков – тот волчара с опытом, как сам говорит: «одно кладбище бармалеями заселил, другое начал», ему не до армейских маразмов, ему главное – нас боевой и физической подготовкой измотать. И правильно. Боец морской пехоты всегда должен быть готов ко всяческим неожиданностям, тяготам и лишениям. В свободном кубрике ребята при полном одобрении майора сделали качалку, и теперь все свободные от караулов либо там, либо отрабатывают штурм корабля малыми группами, либо репетируют досмотр; потом качалка, то да сё, вечером в кубрик ввалишься, весь потный и усталый. Зато все довольные... Короче, жизнь бьет ключом, но, слава Богу, не по голове. Вот и получается, что подумать толком можно только в карауле. Одно плохо – гражданских на корабле как тараканов за печкой у бабки, а они нас как увидят, так сразу пугаются. Неужели мы такие страшные?

Стою на палубе... По правому борту – конструкция, что «технари-ботаники» нагородили, вся в брезент закутана. Побудку только час назад «пробили», вон ребята по палубе круги наматывать заканчивают, сейчас прозвучит: «умыться, оправиться, прибрать кубрик, на завтрак шагом марш, с песней». А мне стоять еще около часа, потом смена, завтрак и в кубрик – отсыпаться до обеда. Так, рядовой Никонов, а это что за точки летят к нам с юга, как перелетные птицы... Точно не птицы – самолеты или беспилотники! Так, спокойно... Смотрю вперед, там на идущем перед нами «Быстром» развернулись башни главного калибра и МЗА. Оглянулся назад – там на «Трибуце» то же самое. А вот и на нашем «Вилкове» пятьдесят семь ме-ме башенная спарка заворочалась, сопровождая цели. То есть моряки «гостей» видят – и бдят. Но доложить все одно надо, потому что так положено. Поправляю гарнитуру рации:

– Рядовой Никонов, две воздушные цели по правому траверзу...

Секундное молчание в эфире... и ответ голосом старшего нашей смены:

– Все в порядке, Никонов, моряки их давно ведут, но все равно молодец!

Моряки моряками, но и у наших майор Новиков тоже объявил тревогу! А как же не потренироваться в отражении воздушной цели? Вот с низов на палубу выскочили ребята с «Иглами», на каждый борт по паре расчетов. Следом за ними лезет майор Новиков, а дальше парни тащат «Корд», треногу и ящик с лентами. Установили, соединили, ленту наложили... к стрельбе по воздушной цели, если что не так, готовы. А самолеты прямо на нас не полетели, обогнули по широкому кругу, не нарываясь на грубость – но все равно неприятно.

Блин, а мне что делать? Все суетятся, а я побоку. Ага, вон разводящий, сержант Боря Ли идет, сейчас поставит задачу...

Боря лыбится во все свои шестьдесят четыре зуба, как на рекламе зубной пасты и выдает:

– Отставить мандраж, Ник, расслабься и неси службу, как нес. Это наши «друзья», самураи недоделанные, решили нас потревожить. Тут так на каждом выходе они пролетают – вроде

контролируют, кто ходит мимо их берега, а наши морячки их сопровождают, типа готовы сбить, если что. Так что не парься, все как обычно.

– А чего, у них голов нет? – спросил я. – И думать нечем, а вдруг кто пальнет с испугу....

Боря ухмыльнулся.

– Да ты что, испугался что ли? Это такая игра. Наши при случае их моряков дрессируют, они наших. А пальнут, так и поделом, макакам плешивым. Давно мечтаю посмотреть, как наши хоть одного такого завалят.

– Борь, – спросил я, – ты чего ты так завелся? Вроде тебе эти японцы ничего такого не сделали...

Боря оглянулся по сторонам.

– Ник, ты же в курсах, что бегаю я к корейночке одной, они еще с царских времен бежали от этих макак. Так ее дед рассказывал, что джапы тренировались на корейцах, одним ударом располовинить пытались. Пришли в деревушку, согнали всех взрослых на площадь и давай тренироваться, спортсмены-саблисты, дери их за ногу.... Да много такого еще рассказал тот дед, черт меня дернул спросить у него, отчего у нас много корейцев живет, еще со времен Союза. Вот и поведал он мне о самураях грёбаных. Поубивал бы всех до единого.

Я увидел, что удалившиеся было и уже превратившиеся в две точки самолеты возвращаются, и сказал:

– Вон видишь, Борь, опять левый разворот закладывают, снова пролететь хотят.

– Ну и хрен с ними. – Борис помолчал. – Я вот думаю, какую такую гадость заклётым партнерам придумали наши яйцеголовые, что устроили во Владике такой аврал? Ведь как ни крути, а связь во всем городе рубануло качественно, а оказывается, я тут от двух штатских слышал краем уха, что это был всего лишь «неучтенный эффект установки». Вот стою и гадаю, что за хрень мы тут охраняем.

– Борь, – ответил я, – не парься, что бы ни было, все нам на пользу.

Немного помолчав, я сказал то, о чем давно думал:

– Я тут тоже слышал, когда в карауле стоял – болтали двое из этих штатских, что, мол, «зонтик» какой-то должен получиться, они его еще «Туманом» называли. Вот и прикинул – зонтик, значит укрыться, а туман – значит, невидимый, я еще....

Боря нарочито кашлянул, оглядываясь по сторонам и, понизив голос, сказал:

– Ты Ник, это... поменьше языком трепи и догадки свои озвучивай осторожнее. Видал, сколько с «молчи-молчи» людей? Обычно на корабле он один, а тут... да и главный у них – аж человек из Москвы. Товарищ Одинцов. Такой посмотрит – и сразу насквозь видит, будто рентгеном. Ладно, достаивай, вон и Ф-восемнадцатые улетели, вроде точно япы были. Так что, давай, бди.

Бдю, бдю, товарищ сержант, такое утро испортили, узкоглазые дети пьяной козы; действительно улетели, наконец, сделав последний круг. И ребята с ПЗРК тоже свернулись. Правильно, нечего им зря светиться на палубе.

Подходит майор Новиков:

– Что, Никонов, бдишь? Молодец, бди! – и, еще раз взглядевшись в горизонт, уходит в низы вслед за парнями.

– Ну, – говорю я себе, – рядовой Никонов, увидите вы на этой службе много интересного и поучительного; это вам не бордюры белить, как папа рассказывал...

* * *

19 августа 2017 года, 02:00. Тихий океан, точка 40СШ 150ВД, глубина 240 м., борт атомного подводного крейсера К-419 «Кузбасс».

Командир АПЛ капитан 2-го ранга Александр Степанов, 40 лет.

Пока шли в конечную точку маршрута, с «Иркутском» не перекинулись и парой слов. А о чем трепаться – чай, не бабы на базаре. Они задают курс, мы контролируем; пока все совпадает, разговаривать не о чем. На двенадцати узлах скорости ни нас, ни их почти не слышно, обе лодки модернизированные и на малых ходах по скрытности приближаются к пресловутому «Ясеню», который и швец, и жрец и на дуде игрец. Семьдесят часов на экономичной скорости, чуть меньше трех суток – и мы на месте. За это время хоть бы что произошло. Никакой враг к нам не пристал – ни надводный, ни подводный, и даже буксируемая антенна не ловила ничего, кроме шумов пустынного океана. Не пролетали в небе «Посейдоны» сбрасывая гидроакустические буи, не шарились по поверхности океана корветы и фрегаты, прошупывающие глубины писком своих радаров, не скользили в толще вод американские подлодки-убийцы. Одним словом, переход прошел как плохие учения для первоклашек. К тому же, не знаю как на «Иркутске», но у нас на «Кузбассе» подозрительно прилежно вели себя оборудование и бортовая аппаратура. С начала похода ни одного сбоя или мельчайшей поломки. Даже лампочка на пульте ни одна не перегорела.

Пришли мы, значит, в конечную точку маршрута в два часа ночи, осмотрелись и в отсеках и снаружи, и легли в дрейф. «Иркутск», кстати, дрейф пошел первым, а мы уже за ним. Но два часа ночи или нет – хочешь не хочешь, а пакет надо вскрывать сразу после прибытия в конечную точку маршрута, а не тогда, когда это будет удобно господам офицерам. Служба есть служба. Нельзя сказать, что все были счастливы таким обстоятельством, а особист вообще выглядел так, будто у него только что украли кошелек со всем жалованием, но пакет был вскрыт и содержимое его прочитано. Единственное счастье, если не считать того, что не требовалось предпринимать никаких немедленных действий – внутри не оказалось еще одной матрешки, так что сюрпризы закончились.

Все остальное было из рук вон интересно. Во-первых – несколько часов спустя в данный квадрат придет соединение надводных кораблей Тихоокеанского флота, включая флагман «Варяг». Во-вторых – в составе этого соединения будет еще одно, возглавляемое большим противолодочным кораблем «Адмирал Трибуц». Это соединение будет проводить испытание системы электромагнитной маскировки. И это полбеда. Беда заключалась в том, что нам и «Иркутску» предписывалось скрытно, не выдавая своего присутствия, присоединиться к испытательной корабельной группе, и если наше присутствие не будет обнаружено, так же скрытно пройти с этой группой весь ее маршрут до конечной точки. Весело. А если на этом «Трибуце», слегка не разобравшись, саданут по нам из всех своих стволов? Тогда все, митькой звали... Или не по нам саданут, а по «Иркутску» – а там народа на борту почти в два раза больше.

Авантюра, одним словом – из числа тех, за которые начальство за глаза кроют матом, но мы военные люди, поэтому приказы положено выполнять, а не обсуждать. Ну, ничего, мы тоже не пальцем через попу деланные; и опять же, обе лодки только что после модернизации, сам уже убедился, что обнаружить «Иркутск», когда он не хочет показываться – не такое уж и простое дело. А этот «Трибуц» – рабочая лошадка, на которой без роздыху пахали все девяностые, нулевые и десятые годы. И оборудование у него хоть и мощное, но устаревшее, и износ, стало быть, солидный, да и не будут они ждать в этом пустом квадрате каких-то особых пакостей. Поэтому приказ может быть только один – лечь в дрейф, соблюдать тишину в отсеках и ждать эскадру; после чего, в случае успеха, выполнять предписанное красным пакетом задание. Мы еще посмотрим, кто у нас будет в белом с блестками, а кому по итогам учений будут мылить шею.

* * *

19 августа 2017 года, 10:00. Тихий океан, точка 40СШ 150ВД, кают-компания БДК «Николай Вилков».

Присутствуют:

Спецпредставитель Одинцов Павел Павлович

Руководитель проекта «Туман», дтн Тимохин Алексей Иванович.

Куратор испытаний от РТВ ТОФ, капитан 2 ранга Степанов Василий Иванович.

Куратор испытаний от МС ТОФ, полковник медслужбы Шкловский Лев Борисович

Куратор испытаний от особого отдела ТОФ, капитан ГБ Ким Максим Оскарович

Командир БПК «Адмирал Трибуц», капитан 1 ранга Карпенко Сергей Сергеевич.

Командир БДК «Николай Вилков», капитан 2 ранга Ольшанский Петр Сергеевич.

Командир роты морпехов, майор Новиков Александр Владимирович.

– Итак, товарищи, скоро мы приступим к тому, ради чего и организовывался этот учебно-боевой поход. – Одинцов обвел тяжелым взглядом собравшихся. – Эти испытания имеют особую важность для повышения обороноспособности России. По легенде учений, мы будем изображать ударную группировку, пытающуюся под прикрытием «Тумана» сблизиться с вражеским флотом на дистанцию ракетного удара. На первом этапе испытаний, который будет продолжаться в течении 3-х суток, ударную группировку будут изображать: флагман группы БПК «Адмирал Трибуц», носитель «Тумана» БДК «Николай Вилков», танкер «Борис Бутома». Задача – за семьдесят два часа пройти тысячу морских миль в условиях электромагнитной маскировки. Поскольку радиосвязь под маскирующим полем невозможна, то для связи между кораблями группы будет использована новейшая аппаратура направленной связи, основанная на применении лазерного луча. Ответственный за связь в условиях применения «Тумана» – капитан второго ранга Степанов Василий Иванович. В связи с ограниченной дальностью такой аппаратуры связь с флагманом Тихоокеанского флота и другими кораблями соединения, не входящими в испытательную группу, будет отсутствовать. На первом этапе испытаний установка «Туман» будет работать на 75% своей мощности. После завершения первого этапа, в конечной точке перехода, флот проведет маневрирование с боевыми стрельбами и приступит ко второму этапу испытаний. Который будет заключаться в том, что под покровом «Тумана», работающего на 100% мощности, будут укрыты все корабли, участвующие в походе. Об этом все! Итак, за процесс испытаний ответственны товарищи Тимохин и капитан второго ранга Степанов, – Одинцов кивнул головой, – Алексей Иванович....

В окружении военных мундиров элегантный серый костюм смотрелся как Бенгли среди танков.

– Товарищ Одинцов, у нас все готово, сбоев и неполадок в работе оборудования не выявлено....

– Да?! – Одинцов насмешливо прищурил глаз... – А Владивостокское шоу? Вы там пятиминутным включением на полчаса вырубili сотовую связь, мобильный интернет и все виды телевидения, кроме кабельного.... Уж не знаю, чего там вралa прессслужба флота, чтоб покрыть вашу выходку....

– Товарищ Одинцов! – с места встал капитан второго ранга Степанов. – Разрешите?

– Да, Василий Иванович?

– Мы с Алексеем Ивановичем, тщательно проанализировали результаты пробного пуска «Тумана» вечером четырнадцатого августа. Наш совместный рапорт о возможности применения специальной модификации «Тумана» в качестве мощного средства РЭБ был направлен по команде утром 15-го числа. Вы, кажется, должны были получить копию.

– Копию я получил, – Одинцов ухмыльнулся – зрелище получилось жутковатое, – с этим понятно, но не повторяются ли «спецэффекты» на основных испытаниях?

Тимохин мотнул головой.

– Исключено! Мы изменили конфигурацию верхнего ряда антенных эффекторов, теперь образование полем «гребня», способного задеть ионосферу, является невозможным. Максимальная высота захвата – около трех с половиной километров.

– Садитесь, товарищи. Пойдем дальше. . . . Ответственный за медицинский контроль личного состава кораблей и научного персонала товарищ полковник медслужбы Шкловский, слушаю вас.

– Насколько я понимаю, – Лев Борисович поправил сползшие на кончик носа очки, – и на предыдущих этапах испытаний проводился медицинский контроль за участвующим персоналом, и при этом никаких негативных эффектов выявлено не было. Но надо признать, что все предыдущие опыты продолжались от нескольких минут до двух-трех часов, на трое суток еще никто не замахивался. Поэтому мы будем следить, и в случае выявления угрозы здоровью людей потребуем немедленного прекращения испытаний. . . . Да, именно так, товарищ Одинцов – прекращения, причем немедленно!

– Лев Борисович, – Одинцов успокаивающе кивнул головой, – как именно вы будете следить за здоровьем военнослужащих и гражданского персонала?

– Каждому человеку – неважно, военнослужащий он или гражданский специалист – будет выдано по индивидуальному браслету, который будет снимать показатели температуры тела, пульса, артериального давления, а также некоторые данные по электрохимической активности. На каждом корабле имеется компьютер для обработки данных с этих браслетов в экспресс режиме. Браслеты общаются с компьютером через ИК-порт, для обеспечения этого надо весь личный состав кораблей и гражданский персонал обязать регулярно, раз в три-четыре часа, заходить в медблок. Соответственно, ваш «Туман» никак не влияет на работу системы в целом. Раз в сутки, с помощью предоставленной товарищем Сергеевым аппаратуры лазерной инфракрасной связи, данные будут сбрасываться на центральный сервер, расположенный здесь, на БДК «Николай Вилков». . . . Здесь же развернута экспресс-лаборатория контейнерного типа, и имеется прочая диагностическая аппаратура. В одном из кубриков оборудован стационар-изолятор на пятнадцать коек, а в другом – палата интенсивной терапии на четыре койки. . . . Имеются значительные запасы разнообразных медикаментов и перевязочных средств. Поскольку мы, медики, не знаем, чего нам ждать, то подготовились по максимуму.

– Спасибо, Лев Борисович, – кивнул Одинцов, – как я понял, ваша служба к испытаниям готова. Итак, за режим секретности и обеспечение сохранения гостайны в этом походе отвечает представитель Особого отдела штаба капитан первого ранга Ким Максим Оскарович. . . .

– Товарищ Одинцов, до меня доходит информация, что некоторые гражданские специалисты ведут разлагающие и провокационные разговоры – вот, к примеру. . . . – Капитан первого ранга Ким достал из кармана свой «Самсунг». – Некто Виктор Позников в разговоре с сослуживцами говорил, что Россия недостойна иметь такую замечательную технику, как «Туман», что разработчикам платят гроши и они ведут полуголодную жизнь, а вот в Америке их бы оценили по достоинству. Я посылая запросы и наводил справки по инстанциям – зимой и весной двенадцатого года этот человек участвовал в так называемых белоленточных митингах. Правда, порядок не нарушал и правоохранительными органами не задерживался. Хотелось бы узнать у товарища Тимохина, каким образом этот молодой человек смог попасть на сверхсекретные испытания?

Тимохин поблел.

– Наша служба безопасности проводила расследование, и, поскольку за этим молодым человеком не было замечено никакой деятельности, кроме разговоров, никаких контактов с иностранными посольствами или представителями иностранных спецслужб, то его сочли возможным допустить до работ, непосредственно не связанных с конструкцией «Тумана». Видите ли, он в нашей группе занимается сопряжением установки с источниками питания. . . .

– Итить твою мать, Алексей Иванович! – взорвался Одинцов. – «Они не обнаружили связи с иностранными посольствами»; ты что у нас конструируешь – вооружение или стиральные машинки? Да только этих фактов должно было хватить, чтоб его гнали поганой метлой. . . . И почему я об этом узнаю только здесь и сейчас? Григорий Петрович просил не говорить?

Вернусь, Семенцов у меня попляшет, должность участкового в Нарьян-Маре покажется ему верхом карьеры. Да и с Григорием Петровичем, надо будет, боднусь, не велик бычок. А сейчас, «кровавая гедня», слушай мою команду – если этот кадр в критический момент перейдет от слов к делу – шею свернуть и за борт! Сиди, Алексей Иванович, – Одинцов резким жестом вернул Тимохина на место, – ты уже напортачил как мог! Товарищ майор, подберите ребят посмышленнее, пусть присмотрят за этой крысой – куда ходит, чем дышит, и так далее; трюм с оборудованием под особый контроль, выставить там постоянный парный пост, а лучше два. Шаг влево, шаг вправо, прыжок на месте – обезвредить! Обо всем докладывайте мне и капитану Киму... Ф-фу, а я думал, с чего так на сердце беспокойно... Итак, вот что – к капитану второго ранга Ольшанскому у меня вопросов и претензий нет; для него, в общем-то, особый режим продолжается уже неделю. С капитаном первого ранга Карпенко я побеседую отдельно, после совещания. Все свободны, а вас, Сергей Сергеевич, я попрошу остаться.

* * *

19 августа 2017 года, 10:35 Тихий океан, точка 40СШ 150ВД, каюта Одинцова на БДК «Николай Вилков».

Присутствуют:

Спецпредставитель Одинцов Павел Павлович

Командир БПК «Адмирал Трибуц», капитан 1 ранга Карпенко Сергей Сергеевич.

– Ну, Сергей Сергеевич, поговорим? Ничего, что на ты? – Одинцов боком присел на стол и достал сигареты. – Куришь?

– Курю! – Карпенко достал свои и чиркнул зажигалкой. – Говори, чего хотел...

– Вот прочти! – Одинцов вытащил из кармана уже знакомую нам бумагу, – учти, до этого момента о существовании этого документа знали только трое: адмирал на Варяге, особист Ким, майор Новиков, и теперь ты четвертый.

Карпенко несколько раз прочел, зачем-то перевернул листок и глянул с обратной стороны.

– Круто, товарищ Одинцов – полномочия у тебя, однако, свирепые, совершенно диктаторские... – и, не складывая бумагу, вернул ее хозяину.

– Ну, да диктаторские... – Одинцов затянулся табачным дымом, – это на тот случай, если наша группа оторвется от основных сил. Если все будет нормально – если можно так сказать об акции на грани войны – то командовать будет командующий Тихоокеанским флотом контр-адмирал Авакянц, а я буду только посмотреть.... Это и есть моя работа – не командовать, а только смотреть. Составить, так сказать, полное впечатление о том, что, как и почему.

– Ну, хорошо, – Карпенко сбросил пепел в пепельницу и ухмыльнулся, – у тебя полномочия, а от меня что требуется?

– Если мы отобьемся от основных сил, – лицо Одинцова стало жестким, – то с того момента и до возвращения к своим, ты мой командующий флотом, а я твой президент... Как-то так получается!

– Вот как? – Карпенко снял фуражку и провел рукой по затылку. – Ну что же, как говорили у меня на родине – не бойсь, командир, исполним все в лучшем виде. Если надо янкесам соли на хвост насыпать, или хотя бы пугнуть как следует, то я всегда готов, можешь на меня рассчитывать... Только вот как в таком случае старшинством мериться будем?

– А что им мериться, Сергей Сергеевич? Ты, до тех пор, пока не воссоединимся с флотом, самый старший морской начальник. Приказ, назначающий тебя командующим корабельной группой имеется совершенно официальный. Я в твои морские дела ни в коем случае не лезу. Будет приказ – будем думать, как его наилучшим образом исполнить. В том случае, когда приказа нет, а делать что-то надо, ты уж извини, я беру управление на себя...

– Так, погоди, так ты не тот самый Одинцов, что восьмого первым в Джаву, вертолетом, только со взводом разведчиков, еще до передовых частей.... Твой позывной был

– Тсс. Тот самый... – ухмыльнулся Одинцов, – а тебе-то откуда известно?

– Слухом земля полнится, – точно также ухмыльнулся Карпенко, – рассказал один приятель после бутылочки холодного чая.... Но уважаю, уважаю.... Слышь, товарищ Одинцов, а как тебя по имени-отчеству?

– Павел Павлович, я, а что? – Одинцов решительно раздавил в пепельнице окурочек.

– А то по фамилии обращаться неудобно, да и не принято у нас на флоте. Неуважение как бы. Да и был, говорят, в царском флоте обычай, когда в неофициальной обстановке офицеры к друг другу по имени-отчеству обращались, без званий. Слушай, Павел, так там, в Осетии, и в самом деле янкесы были?

– У галстукоеда-то? Было там, Сергей, каждой твари по паре, сам лично любовался на тушку негра в грузинской форме и с грузинскими документами.... Или он мутант, или Джоржия не та? Хохлы ловились, прочая сучья рать вроде прибалтов. Самые хитрые – сыны Израилевы – как жареным запахло, так сразу в самолет и в Тель-Авив, рассказывать, как мы жестоко бомбим Тбилиси. Да ну их всех в дупу, головой вперед!

Карпенко посмотрел на часы.

– Ладно, Павел Павлович, пора и честь знать, почти одиннадцать.... Пока на катере до «Трибуца» дойду, твои уже шарманку заведут. И помни, если что, то наш флот не подведет!

* * *

19 августа 2017 года. 12:00. Тихий океан, точка 40СШ 150ВД, БДК «Николай Вилков».

Доктор технических наук Алексей Тимохин, 45 лет.

Сажусь за свое рабочее место и разминаю пальцы. Так, компьютер включен, Линукс загружен. Запускаю пиктограмму «Изделие ХХ/522 Туман-888». Секунд через сорок на экране появляется табличка: – «Изделие обнаружено, идет тестирование» – ну, это как минимум на полчаса, можно было бы успеть выйти на палубу покурить, если бы я не бросил в 2006-м. Минуты тянутся откровенно медленно, нет ничего хуже, чем бы ждать, не зная, чем себя занять. Наверное, так люди и придумали курение. Пока тянется этот дурацкий тест, расскажу немного о себе.... Я ведущий специалист одного НПО, Алексей Тимохин, родился 45 лет назад в стране, которая тогда называлась СССР, в столице одной союзной республики. На самом деле, открою секрет, я не Алексей, и моя фамилия не Тимохин, но что поделаешь – секретность. Зато все остальное – святая, истинная, правда. Учился в институте связи, защитил дипломный проект с отличием, руководитель практики про мой дипломный проект сказал: «Тут как минимум две кандидатские...» После получения красного диплома был приглашен в Москву в то самое секретное заведение, теперь НПО называется. Но тут получилось так, что случайно закончился СССР и начались лихие 90-е. Нам повезло – Генеральный директор нашел сначала одного инозаказчика в Индии, потом другого в Китае.... А с 2002 мы снова понадобились родной РФ, несчастному огрызку бывшей СССР. Один заказ, второй, третий... а с 2011 года наш отдел занимается проектом «Туман» – тогда это был один экселевский файл с цепочкой формул, и все. И вот шесть лет мы воплощали гениальное, сделанное на кончике пера открытие, в грубое железо. И вот оно готово, скомпоновано в два трехтонных универсальных контейнера, которые сейчас наглухо принайтоваты в трюме БДК «Николай Вилков». Весь прошлый год мы тестировали и испытывали наше Изделие на полигонах. Что за изделие? Это наше детище, наш любимый ребенок, и даже рыжая Алла не говорит о нем иначе как с придыханием. А как же – ведь она отдала ему «лучшие годы своей жизни»... «Туман» – это установка, способная каждый корабль или самолет превратить с суперстелс, абсолютно невидимый для радаров. Мы

включали установку много раз, испытания длились от восьми минут до трех часов, и каждый раз все получалось – на время испытания мы пропадали с радаров. И даже солнце в это время, казалось, светило через тонированное стекло. Сегодня у нас первое «боевое» испытание. Наша задача – вести корабельную группу вдоль сороковой параллели в течении трех суток, а это ни много ни мало тысяча морских миль. Мы будем их вести, а с «Варяга» и других кораблей эскадры будут вести контроль нашей заметности во всех диапазонах электромагнитного и акустического спектра. Ну вот – тестирование завершилось и на экране горит панель управления Изделием. Все блоки отмечены зелеными «светофорами», следовательно, все в порядке – с Богом!

Я встаю из-за стола.

– Товарищи офицеры, все О`Кей, он ваш.

А товарищи офицеры у нас «представители заказчика» – РТВшники из штаба флота, лейтенанты Василий Смурной (это фамилия у него такая, угораздило же молодца) и Серега Злобин, а также начальник их, капитан второго ранга, майор по сухопутному, Степанов Василий Иванович. Хотя с этими «представителями заказчика» мы, собственно, последний год и работали. И собирали последнюю модель Изделия вместе, и тестировали. Мы где-то месяцев семь уже вместе работаем. И теперь они втроем будут нести вахты по четыре часа через восемь – так, кажется, у моряков положено – и, кроме автоматической записи параметров в log файл, будут каждые полчаса заносить данные в самый обыкновенный прошитый и пронумерованный журнал испытаний. Василий Иванович садится на освободившийся после меня стул. Ему запускать Изделие, и его вахта первая. Ну, это уже не в первый раз – мы уже делали пуск во Владике, только стоя на якорю. Тогда все прошло успешно, если не считать нарушение связи, теперь же первый пуск на ходу, и первый такой продолжительный – на сутки. До этого самое продолжительное испытание было на три с небольшим часа. «Господи, иже еси на небеси...» – проговариваю я про себя, наблюдая, как капитан третьего ранга подводит курсор мыши к тангенте «Пуск» и давит указательным пальцем на кнопку. В трюме перед нами набирают обороты два дизель-генератора по 1100 кВт., рядом с изображением двух дизелей оживают условные стрелки мощности на циферблатах, показывая, что оба дизель-генератора вышли на крейсерские обороты. Теперь тангента "Режим" – на антенные эффекторы подано рабочее питание. Столбик выделяемой мощности быстро растет вверх и чуть-чуть не достигает отметки 100%, рядом число 97,2%.

Еще раз бросаю взгляд на экран через плечо Василия Ивановича – параметры Изделия в норме, даже температура трансформаторного масла в системе охлаждения усилителей антенных эффекторов. С этой минуты вся телеметрия изделия пишется на log файл, и «в случае чего» можно будет анализировать причины сбоя или аварии, как с «черного ящика» в самолете. Ну и кроме того, как я уже говорил, есть и журнал испытаний на бумаге, но это на крайний случай. Кроме коллег РТВшников, при испытаниях присутствует товарищ особист, капитан ГБ Ким. Непонятно, какое отношение он имеет к тем самым Кимам, что правят Северной Кореей, но фамилия такая, что слов из песни не выкинешь. И еще – наш Пал Палыч Одинцов, куратор испытаний официально от вице-преьера оборонки Рагозина, а неофициально от Самого. Фигура вообще таинственная, по слухам – человек Путина, не из последних.

* * *

Тогда же и почти там же, глубина 300 м., борт атомного подводного крейсера К-419 «Кузбасс».

Командир АПЛ капитан 2-го ранга Александр Степанов, 40 лет.

А ведь и точно – этот «Трибуц» нихрена не сумел нас обнаружить и даже не заподозрил о нашем присутствии, хотя мы были прямо у него под килем. Правда, в нашу пользу играл

термоклин – то есть граница между теплым течением Куро-Сиво и холодными глубинными океанскими водами, от которого акустические импульсы отражаются не хуже, чем от стенки. Щупай не щупай сонаром глубины – все, что ниже термоклина, остается недоступным. Таким образом, мы в деле, и за успешное выполнение задания по выявлению дыры в нашей противолодочной обороне нам светит неслабая благодарность от начальства. А если бы это были не мы, а какая-нибудь «Вирджиния», которая, злобно подкравшись, шпионила бы за нашим испытанием секретного оборудования?

А вот запуск установки мы почувствовали даже на глубине. Волосы на голове встали дыбом, по коже как бы пробежали мурашки; потом, правда, все прекратилось, но акустик тут же доложил, что мы перестали слышать внешние шумы, типа той же переключки китов, а звук винтов надводных кораблей над нами доносится так ослаблено, как будто наша глубина не триста, а три тысячи метров. Так что получается, что эта штука глушит не только оптический диапазон, но и акустику тоже. Кстати, мичман, который сидит на установке, обнаруживающей кильватерный след кораблей, доложил, что они стали совсем короткими, будто мы движемся не в толще морской воды, а в слое масла. Ну ничего, посмотрим, что будет дальше, потому что странного пока очень много, а страшного ничего нет. И опять имеет место просто идеальная работа всей аппаратуры, хотя маскирующая установка должна бы давать помехи. Но помех нет, все отлично – и это начинает меня понемногу тревожить. «Иркутск», кстати, следует в порядке впереди и чуть правее нас, и, судя по всему, у него на борту тоже полный порядок.

* * *

19 августа 2017 года. Вечер сразу после заката. Тихий океан, точка 40СШ 153ВД, БДК «Николай Вилков».

Доктор технических наук Алексей Тимохин, 45 лет.

Вышел на палубу... Солнце зашло и небо окончательно почернело. Свет звезд не может пробиться через маскирующее поле. Впереди, по сухопутному, метрах в двухстах, темная громада Адмирала Трибуца. Он идет без огней, в режиме светомаскировки. Как я понял, наш рулевой должен ориентироваться на данные лазерной системы – луч лазера с кормы впереди идущего корабля. За нами следует танкер «Борис Бутома», точно так же держась за нашу корму. Где-то за периметром «купола» за нами наблюдает эскадра – зорко так смотрят, пускай попробуют разглядеть. Парадный ход у нашей группы – 14 узлов, это 26 километров в час. Для БПК, БДК и танкера это экономический ход, вот шлепаем потихоньку по Тихому океану, как привидения. Рядом молча курит Пал Палыч, а особист, как в той поговорке, всегда где-то за углом. Ну и хрен с ними. Возвращаюсь в каюту и ложусь спать, если что случится – разбудят.

* * *

Тогда же и там же.

Кандидат технических наук Позников Виктор Никонович, 31 год

Я долго ворочался на этом – как они его называют – рундуке, пытаюсь заснуть. Но что-то было не так, и я склонялся к мысли, что это моя повышенная нервозность заставляет лезть в голову разные дурацкие мысли. Я всегда чувствовал себя неудобно на корабле. Нет, морской болезнью я не страдал, но темная морская пучина вызывала во мне ужас – она напоминала о смерти, о небытии, о том, что все кончается – и кончается бесповоротно, навсегда, и нет никакого загробного мира, а только холод и мрак могилы...

Я гнал от себя мрачные мысли, но они, словно упорные мухи, не желали от меня отставать. Я попытался подумать о приятном – как поселюсь на благословенном континенте, разбогатею, куплю виллу, заведу прислугу... Как в песне – «Будут деньги, дом в Чикаго, много жен-

щин и машин»... Уж да, женщин у меня будет много. Они же все падки на богатство, подлые и продажные существа... Как сказала одна знакомая – «Самый сексуальный орган мужчины – это его кошелек». А ведь женщины всегда мной брезговали. Кому нужен тщедушный очкарик с намечающейся плешью? Да, может быть, красотой я и не блистал, но ведь я был умным... Но женщин это почему-то не особо привлекало. Точнее, это не привлекало их именно ко мне. Помнится, когда я только пришел в эту контору, был у нас один научный руководитель – старый, лысый, страдающий одышкой, удивительно непривлекательной наружности. Я думал, что у него и супруга соответствующая – какая-нибудь старая ведьма – жирная и кривоногая; но я жестоко ошибался. Когда я увидел его жену, то просто потерял дар речи. Это была довольно молодая женщина, причем сногшибательно красивая. При этом она вела себя так, будто действительно влюблена в своего престарелого мужа. Не то чтобы она там «сюси-пуси» всякие показные с ним разводила; нет, она действительно смотрела на него с уважением, восхищением и любовью... А еще больше меня поразило, когда я узнал, что у нее с профессором трое детей.

И тем более до меня никак не доходило, почему я не пользуюсь хотя бы мизерным успехом у противоположного пола. Стыдно сказать – я стал мужчиной в двадцать пять лет по пьяному делу, переспав с пятидесятипятилетней соседкой... Этот позорный случай до сих пор заставляет меня покрываться краской стыда. После этого у меня были всего три женщины – две из них охотницы за городской пропиской, готовые спать хоть с крокодилом, и одна – проститутка. Словом, мне так и не довелось испытать настоящей женской любви – горячей, бескорыстной, заставляющей душу парить в небесах от счастья. Волосы мои редели, а характер портился... Я смотрел на женские ноги, то и дело мелькающие передо мной на работе, на их обтянутые юбочками ягодицы – такие близкие, но такие недоступные для меня – и черная обида захлестывала меня. Почему кто-то пользуется успехом, но только не я? Почему этот Одинцов, похожий на престарелого льва, удачливее меня в этом плане? Спиридонова смотрит на него с такой собачьей преданностью и обожанием, что я готов придушить их обоих, а бабу сначала еще и отыметь по-всякому. Но ее отыметь, как же... Опасная, как скорпион, она сама кого угодно на куски порежет; вон глаза-то какие жуткие – холодные, неженские... Они теплеют, только когда на Одинцова смотрят.

Я женщин просто ненавижу. Когда я стану богатым и влиятельным, я отмщу им за все унижения. Я буду обращаться с ними жестоко. Но они будут терпеть... За деньги. Я буду унижать их, а они – все сносить, и потом наступит для меня сладкий момент, когда я, удовлетворив все свои тайные желания, брошу им в лицо зеленые купюры...

Вообще-то подобные фантазии меня обычно возбуждали. Но на этот раз какое-то скребущее невнятное беспокойство мешало мне расслабленно предаваться сладким мыслям. Казалось, тысячи мелких иголок царапают изнутри мой мозг. Отчего бы это? Впрочем, к счастью, я вроде бы уже начал погружаться в сон...

Я слышал приятный и умиротворяющий звук – цок-цок, цок-цок – который могли издавать только копыта лошади, идущей рысью по мостовой. Такой звук я слышал в кино; находиться рядом с лошадьми мне как-то в жизни не привелось. Я дремал, и дрема эта была приятной – такое ощущение я испытывал только в детстве, просыпаясь по воскресеньям в своей кровати. Вслед за звуками в мое сознание ворвались запахи. Пахло кожей, дорогим одеколоном, и еще чем-то приятным, навевающим мысль о богатстве и благополучии. Я открыл глаза. Я ехал в штучке, которую, кажется, в фильмах называют «крытым экипажем» – этакая карета с окошками. Я находился в ней один. Все внутри было обито красным бархатом, а на сиденьях лежали мягкие подушки с золотистыми кистями. Карета мерно покачивалась, в окнах проплывали незнакомые (или нет, смутно знакомые) здания. По тротуарам прогуливались люди в странной одежде – опять же, я видел такую в фильмах о прошлом веке.

Так – а уж не сам ли я в прошлом веке? И тут же я будто бы «вспомнил», что я – важный господин и влиятельная персона, на мне фрак, цилиндр и белая манишка, в руке трость, и я еду домой, в свой роскошный особняк на самой богатой улице города...

Так это был просто бред... Тьфу ты, привидится же такое – будто я живу в начале третьего тысячелетия! В Рашке!!! Настоящий кошмар... Будто я беден и меня не любят женщины... Ха-ха-ха! Да как же не любят – у меня красавица жена, дочь влиятельного банкира. И сам я могуч и влиятелен, и все прислушиваются к моему мнению; я принимаю участие в решении важных государственных вопросов... У меня есть загородное имение и обширный штат прислуги. О, у меня имеются три великолепные любовницы... Они рады ублажать меня в любой день и час. Я красив, статен, и у меня пышная шевелюра... Тьфу ты, господи, а ведь приснилось, будто я плешив и жалок... С чего бы это? Наверное, из-за жары. Действительно, солнце сегодня шпарит нешуточно. А может быть, вчера выпил лишку в казино... Да ведь на самом деле я живу в Америке! И у меня все о`кей, и даже более того. Поистине я – счастливчик, любимец Фортуны, я купаюсь в деньгах, почете и славе! О да – это моя настоящая жизнь, которой я достоин, а жалкое прозябание в невежественной Рашке мне, слава Богу, лишь привиделось в причудливом кошмаре...

Вот мы подъезжаем. Лакей в расшитой золотом ливрее поспешно подскакивает к карете и открывает дверцу, склонившись в подобострастной позе. Я выхожу, изящно поигрывая тростью, и прохожу в дом. Меня встречает супруга в великолепном платье с глубоким соблазнительным декольте. Она бросается мне на шею и прижимается горячей грудью... Соскучилась, ишь ты. Я покровительственно шлепаю ее по задку и прохожу в столовую. В моем доме все блестит и сверкает. У меня роскошная мебель, а полы устелены пушистыми персидскими коврами. Кругом статуэтки, канделябры, картины. Под потолками художественная лепнина.

Суетятся слуги. Они спешат накрыть стол. «Господин вернулся!», – слышится почтительный шепот. Шевелитесь, шевелитесь! Я плачу вам, а вы выполняйте свои обязанности как следует. Хорошо быть богатым! Чертовски хорошо! Не знать никаких забот, не видеть убожества, не гоняться за копеечкой, не торопиться по утрам на работу. Деньги, и только деньги дают человеку настоящее счастье. Только с ними можно наслаждаться жизнью в полной мере. Любая проблема становится легкоразрешимой, а любое желание тут же воплощается. Деньги! Имея их, можно просто парить над этим миром, снисходительно глядя на мелочную суету людшек внизу, что пытаются найти в своем существовании какой-то там высокий смысл. Глупцы! Смысл в жизни один – наслаждаться!

Но слабо-слабо покалывают где-то в мозгу микроскопические иголки... Хоть и несильно, но они беспокоят, грозя когда-нибудь усилиться и проколоть мою голову насквозь... И что тогда? Страшно представить... Нет, это не последствия похмелья. Я не знаю, что это, но мучительно хочу избавиться от этого неприятного ощущения. Наверное, надо сходить к доктору. Но вот только есть у меня подозрение, что ни один доктор не сможет вылечить меня; и глубоко в душе пытаюсь я похоронить свой страх – страх, что все мое благополучие окажется лишь блаженным сном, грезой, приятным бредом; и проснусь я однажды не в теплых объятиях красивой женщины, а на убогой койке, покачивающейся в мутном полумраке серой, унылой, безысходной обыденности...

* * *

Тогда же и там же.

Спецпредставитель Президента Павел Павлович Одинцов, 52 года.

В свой сон я вошел, как в открытую дверь собственного кабинета. А ведь это и есть мой кабинет. Темная мебель в стиле ретро, письменный стол (такой массивный, что его можно использовать вместо постамента для памятника) и книжные шкафы, битком набитые фолиан-

тами на русском, английском и немецком языках, которыми я владею вполне свободно. На стене висит отрывной календарь, на верхнем листке которого написано «15 марта 1914 года». Я никогда не видел этой комнаты, но понимаю, что это мой рабочий кабинет Статс-секретаря Российской Империи Действительного Тайного Советника 1-го класса Павла Павловича Одицова, перед которым уже десять лет трепещет вся Европа.

Подняв глаза вверх – туда, где в присутственном месте обычно помещают портрет главы государства – я вижу заключенную в массивной раме картину, изображающую достаточно молодую женщину с широкими скулами, серыми глазами и вздернутым носиком, одетую в парадный мундир Ахтырского гусарского полка. Я знаю, что это моя ученица, императрица Ольга Александровна Романова, женщина с большим сердцем, широкой душой и железным характером.

Нет, мы с ней не любовники, и даже не влюбленные. В-первых – никогда не стоит путать личную шерсть с государственной. Во-вторых – у меня есть милая, красивая и умная жена, которая приходится императрице Ольге сердечной подругой, а у Ольги – муж, принц-консорт, который является моим близким другом. Дружба и доверие со стороны великой Императрицы мне дороже всего. Власть... Сила... Вера миллионов русских людей в то, что наш с ней тандем вознесет Россию на невиданную прежде высоту, вера в то, что весь мир будет брошен ей под ноги, и только врожденное милосердие и доброта нашего народа не дадут России превратиться во вторую Пиндосию.

Приоткрывается входная дверь – и на пороге появляется мой секретарь Никифор. Из разночинцев, но умница и трудоголик, готовый сутками корпеть над документами.

– Ваше Высокопревосходительство, – говорит он, поклонившись, – к вам ее императорское величество...

И в этот момент я прочему-то просыпаюсь с полной уверенностью, что виденная мною картина – не бред, не сон, а вполне реальная, но пока не реализовавшаяся перспектива...

* * *

Тогда же и там же.

Старший лейтенант запаса ВДВ Дарья Спиридонова, 32 года.

Странно как-то я чувствовала себя, засыпая. Неужели такое впечатление произвел на меня запуск установки? Обычно я бываю более хладнокровной. Те, кто приложили руку к «Туману», понятное дело, переживали, думали, наверняка ворочались сейчас в своих постелях – как-никак, их любимое детище в данный момент проходит полноценное и достаточно долговременное испытание. Но отчего у меня по телу словно пробегают мурашки непонятного беспокойства? Нервы? Может быть. Могу себе это простить. Ведь я не могу не думать и не переживать о том, как все сложится дальше. Хотя, собственно, чего переживать? Пусть все идет как идет. Главное, я рядом с Ним. А там – время покажет...

Светящийся туман, пронизанный фиолетовыми искрами, обволакивал меня. И я летела сквозь него – да, именно летела, поскольку мои ноги не касались земли, и я не чувствовала веса своего тела. Но какая-то сила влекла меня вперед... Оглянувшись назад, я увидела длинный белый шлейф от своего платья, конец этого шлейфа терялся в тумане, сливался с ним. Белое платье... Свадебное. А фата? Я потрогала свою голову. И фата есть, надо же... Тоже длинная, ее конец также уходил в туман. Но какого черта? Я что, выхожу замуж? И куда я, в конце концов, лечу? Где мой жених?

И вот туман закончился. Мои ноги коснулись земли. Перед собой я увидела храм. Словно подталкиваемая невидимыми существами, я поспешила туда, чтобы войти в приветливо распахнутые двери, словно ожидающие меня.

А том, внутри, было много народу. И все они приветствовали меня. С удивлением я заметила, что они одеты в какую-то необычную одежду – вроде старинной. Мужчины в каких-то камзолах, женщины в пышных платьях... О, да ведь это не просто не люди, а все – мои знакомые! Да-да – это все те, что плыли вместе с нами на корабле. Вон Алла (ух ты, как идет эта шляпка!), а вон Лейла – с трудом ее узнала, да она настоящая куколка в этом голубом платье; ухоженная, статная, чистенькая и уверенная в себе. Все улыбаются... Но где же Он? Ах да, наверное, он ждет меня там, у алтаря. Уверенно прохожу вперед; народ расступается, бросая мне под ноги лепестки роз и провожая затем восхищенными глазами.

И вот я вижу его – моего жениха... Он действительно стоит у алтаря и улыбается мне. Я еще никогда не видела у него такого выражения лица. Словно все думы и заботы враз оставили его – и он испытывает только счастье, и ничего больше. Помолодевший, с зачесанными назад волосами, он не сводит с меня глаз... На нем парадный мундир – но не такой, какой носят в нашем времени – а весь расшитый золотом, блеск которого слепит глаза.

Священник торжественно что-то говорит и ходит вокруг нас, размахивая кадиллом. Я чувствую тепло своего любимого мужчины, что стоит рядом, прикасаясь ко мне рукавом. И я отчетливо читаю его мысли... «Даша, я люблю тебя. Хочу быть вместе с тобой навеки. Ты – моя женщина...»

И вновь вокруг нас начинает сгущаться туман... Слова священника доносятся будто издалека. А мы вдвоем вдруг отрываемся от земли и возносимся куда-то, летя в искрящемся тумане... И жених мой вдруг обнимает меня – крепко-крепко. И мне кажется, что я растворяюсь в его руках, и так хорошо мне становится – так надежно, тепло, спокойно...

А откуда-то снизу доносится торжественное: «Объявляю вас мужем и женой!» – и слышатся шумные поздравления, и гомон, и какая-то необычная музыка достигает наших ушей... Да, я твоя навеки, любимый мой... И в богатстве, и в бедности, и в болезни, и старости... Обними меня еще крепче – вот так; и да только смерть разлучит нас, да и то навряд ли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.